НИА КИМ

ОБСИДИАНОВЫЙ ДЕМОН

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Ниа Ким

Обсидиановый демон

«Автор»
2026

Ким Н.

Обсидиановый демон / Н. Ким — «Автор», 2026

В нашем чудесном мире на планете Обсидиан живут люди, чьё рождение ещё пять сотен лет назад стали определять глаза. Цвет демонстрирует наличие сверхсил: оборотни, стихийцы, менталисты, целители, металлокинетики и даже падшие. Я же родилась с чёрными, как омут глазами, не имея в себе ни капли сил. Моя жизнь наполнена кровью, поединками на подпольных аренах, безумными поворотами судьбы и беспросветным будущим, к которому я сама стремлюсь подобно яркой звезде, падающей в некогда чистом небе. Над миром царит вечная ночь, у власти стоит оракул, богачи получают разрешения на устранение неугодных путём убийств, а палачами становятся гончие, и я являюсь одной из них. Ваша Ворона готова начать экскурсию по улицам Кан-Аректсиса.

© Ким Н., 2026
© Автор, 2026

Ниа Ким
Обсидиановый демон

Обсидиановый демон

Ниа Ким

Аннотация.

В нашем чудесном мире на планете Обсидиан живут люди, чьё рождение ещё пять сотен лет назад стали определять глаза. Цвет демонстрирует наличие сверхсил: оборотни, стихийцы, менталисты, целители, металлокинетики и даже падшие. Я же родилась с чёрными, как омут глазами, не имея в себе ни капли сил. Моя жизнь наполнена кровью, поединками на подпольных аренах, безумными поворотами судьбы и беспросветным будущим, к которому я сама стремлюсь подобно яркой звезде, падающей в некогда чистом небе. Над миром царит вечная ночь, у власти стоит оракул, богачи получают разрешения на устранение неугодных путём убийств, а палачами становятся гончие, и я являюсь одной из них. Ваша Ворона готова начать экскурсию по улицам Кан-Аркесиса.

Оглавление
Пролог.
Кодекс гончей.
Глава 1. Пробуждение.
Глава 2. Розовое платье.
Глава 3. Торг.
Глава 4. Сенсей.
Глава 5. Напоминание о прошлом.
Глава 6. Огненный танец.
Глава 7. Мысли в темноте.
Глава 8. Подарок.
Глава 9. Ворона без амбиций.
Глава 10. Сто тысяч сару.
Глава 11. Гаечка.
Глава 12. Конец терпения.
Глава 13. Падшие ангелы.
Глава 14. Глупые ищейки.
Глава 15. Долгожданная встреча.
Глава 16. Заставь врага бояться.
Глава 17. Прятки.
Глава 18. Выбор без вариантов.
Глава 19. Официально гончая.
Глава 20. Проверка.
Глава 21. Предложение.
Глава 22. Используйте меня.
Глава 23. Пресечь.
Глава 24. Я не ваш друг.

Глава 25. Встреча с менталистами.
Глава 26. Отдай приказ.
Глава 27. Логово Падших.
Глава 28. Яд.
Глава 29. Чувства.
Глава 30. Интрига.
Глава 31. Сделка.
Глава 32. Ты слеп!
Глава 33. Свадьба.
Глава 34. Мне нужна помощь.
Глава 35. Сила глаз.
Глава 36. День рождения.
Глава 37. Подарок.
Глава 38. Обсидиановый демон.

Пролог.

Планета Обсидиан находится в Богами забытой дыре Вселенной. Вы спросите: «почему Боги о ней забыли?» Ответ прост. Нашему великому Боженьке: шуту, клоуну, хохмачу, скомороху, раздолбаю и просто законченному мудаку – кто-то смачно вдарил по темечку. Да так вдарил, что тот уже много лет лежит и никак не придёт в чувство. Как долго он там лежит? О, давайте возьмём за основу мой возраст – мне девятнадцать. Округлим до двадцати, помножим на два и припишем нолик…

Хм, не получается. Не доросла я ещё до нужного числа. Не буду вас томить. Этот клоун забыл о своих божественных обязанностях уже на добрых пятьсот лет. Вы можете сказать, что это же ничтожно мало в глобальном смысле, и наверное, будете правы. Но давайте представим, что такое пятьсот лет для человека? Представили? Это охренеть как много!

Так вот, в момент, когда нашему клоуну вдарили по темечку – на нашей планете кто-то вырубил свет. И я сейчас не про электричество. Видимо темечко и наше солнце были связаны, потому что в один прекрасный день оно погасло так быстро, как не гаснет свеча, которую задувает пятилетка в свой день рождения, загадывая единорога с шарами и добрую фею. Фьють – и солнца нет.

Кто и куда его забрал или отключил – одному Богу известно, и точно не нашему. Но вы не думайте, небосвод не остался без присмотра, потому что – что? Правильно! Только сегодня! Специально для вас! Персональное предложение для планеты Обсидиан! Алый трёхмерный куб, погрызенный с одного угла! Думаете это шутка? Хотелось бы и мне так думать, но в нашем небе вместо солнца вот уже пятьсот лет сверкает куб. Круто, правда? Нет? Вот и я думаю, что где-то нас облапошили, ведь с того момента круглые сутки царит ночь. Солнце я видела только по телику. И смотрела я на него в солнцезащитных очках, боясь получить облучение.

К чему же привело это нахальное появление куба в нашем мире? О, спешу вас обрадовать очередной акцией! Сразу после начала его царствования, начали рождаться дети с необычными глазами, которые давали людям разные сверхспособности. Как вы понимаете, за пять сотен лет весь человеческий род сменился поколениями, и все в нашем мире стали грёбаными волшебниками.

Вы, вероятно, думаете, что раз я веду этот рассказ, то у меня какие-то классные глаза и способности? Огорчу, но я единственная дефектная девушка на весь Обсидиан. Я родилась с чёрными глазами. Позорные обычные чёрные глаза, из-за которых жизнь меня окунула в дерьмо столько раз, что сточные канавы могли бы стать мне родным домом, а крысы – братьями и сёстрами.

Если у вас имеются проблемы с нервишками, то настоятельно советую отложить эту историю в сторону, ведь здесь не будет розовых воздушных облачков, сахарной ваты, приправленной пудрой и пони с единорогами. Здесь вас ждут пот, кровь, слёзы и дерьмо, как в буквальном, так и переносном смысле.

К слову о доме – живу я в небольшой квартире-студии с безграничным пространством аж в двадцать шесть квадратов в городе Кан-Аресис. Но есть и плюс! Квартира находится на самом верхнем этаже сорокаэтажного здания, а заработаны эти квадраты кровью моих жертв, слезами моих жертв и бесконечным, неутомимым вкладом моего личного отборного пота.

А вы думали, что кровь и слёзы проливала я? Потому что у меня чёрные глаза? Спешу огорчить, но плакала я в последний раз, когда мне было тринадцать, потому что внезапно между ног у меня стало мокро, а когда я увидела красные кровавые струйки, то метнулась писать завещание, хотя завещать мне было нечего, кроме своего грязного белья в тот день. Моей мамаши давно не было в живых, и никто не объяснил мне, глупой девчонке – что такое месячные. Безусловно, потом, конечно, мой сенсей соизволил рассказать мне и что такое месячные и что такое секс. Правда насчёт секса ему стоило бы пояснить всё куда раньше. Как я уже говорила – жизнь у меня была дерьмовая.

Ах да, совсем позабыла. Зовут меня – Йóна Мария Велáкис. Мать хотела назвать меня Йоной, а отец – Марией. Держу пари – так звали его шлюху с работы, так что предпочитаю имя по маменьке.

А прямо сейчас я спешу спуститься на лифте в подземный гараж, где меня ждёт мой бравый конь. Стильный, чёрный, пафосный, крутой, как яйца моего сенсея и немного женский из-за своего компактного размера – мотоцикл. Его я заработала иначе. Мотоцикл – подарок от моего сенсея, а подарков за всю жизнь у меня было целых два, но о втором я расскажу вам чуть позже.

Покидаю гараж и выезжаю на проезжую часть, предварительно показав средний палец водиле, посмевшему обсигналить меня. За спиной у меня закреплён неизменный острый друг – гроза моих жертв. На голове красуется шлем с кошачьими ушками. Я получаю уже второе сообщение на свои часы. Сигнал оповещает о том, что ОН уже злится. Кто ОН? О, великий господин, добродетельный хозяин, или как я его называю – лощённый хер. Кстати, этот хер платит мне баснословные деньги, которые идут на покрытие медицинской страховки. Он ждёт, пока приедет его гончая и выполнит всю грязную работу за него.

Мотор ревёт, отзываясь дрожью в моём теле. Сердце ухает, отбивая дробь, а по телу разливается бесконечное чувство экстаза. Мотоцикл набирает скорость, а скорость я люблю. Яркое табло показывает трёхзначное число. Возьмём за основу мой возраст, округлим до двадцати, помножим на два и прибавим… Ай, к чёрту! Я снова не доросла до нужного числа.

В общем, мчусь я так, как не снилось отъявленным жнецам смерти в погоне за своей добычей. Мчусь, вверив свою жизнь в руки судьбы, потому что точно знаю – сегодня я не умру.

Кодекс гончей.

Гончая ставит жизнь Нанимателя превыше своей. В случае, когда Нанимателю грозит опасность, Гончая обязана пожертвовать собой.

Гончая обязуется беспрекословно выполнять приказы и поручения Нанимателя, не задавая вопросов.

Гончая обязана явиться к Нанимателю по первому требованию, поступившему на трекер. В случае, если гончая не отвечает на вызов, может возлагаться штраф до 100 000 сару.

Гончая обязуется приступить к работе в любом состоянии здоровья, если таково требование Нанимателя.

Между Гончей и Нанимателем запрещается половая связь, а также любые романтические отношения.

Гончая – правая рука Нанимателя, на которой лежит ответственность за совершённые действия, повлёкшие за собой судебные разбирательства или медицинские вмешательства.

Гончая обязана находиться на связи 24 часа в сутки. Запрещается отключать трекер.

Ответственность за бои, проводимые без согласия Нанимателя, лежит на Гончей. Наниматель вправе дать показания против Гончей.

Гончая не имеет права сотрудничать с другим Нанимателем, а также принимать оплату от заказчиков на несогласованные бои и выступать в роли чужой Гончей.

В случае преждевременной смерти Нанимателя, Гончая является первой подозреваемой. Гончей запрещается покидать страну до конца разбирательства о смерти Нанимателя. В случае, если Гончая не была замешана в убийстве, ей разрешается вновь предстать перед комиссией и выставить свою кандидатуру в качестве соискателя.

Глава 1. Пробуждение.

Йона.

Вам когда-нибудь доводилось получать арматурой по голове? На моё несчастье, один из верзил вдарил мне так, что я до сих пор вижу радужных пони. К слову, о том, чтобы увидеть что-то другое, кроме галлюцинаций… Пора бы открыть глаза, но веко оказывает сопротивление, налившись свинцом. Смею предположить, – дело вовсе не в жгучем металле, а скорей в фингале, который сейчас светит дальше, чем я могу увидеть.

Кости в моём теле болят так, словно я впервые обкатывала своего Малыша, и потерпела неудачу, свалившись с какой-нибудь горы аккурат в недра разверзнутой пасти ада. Хотя, должна заметить, сенсей порой избивал меня куда сильнее. Но ему-то можно, в отличие от мудаков, которые отмудохали меня в подворотне.

Судя по отваливающейся заднице, сижу я на жёстком стуле. Руки закованы за спиной и дико затекли. При попытке пошевелить ногой, слышится лязг цепей. Во рту у меня едкий привкус крови и кошачьей мочи. В горле суше, чем между ног у моей прабабки.

Силюсь открыть глаз, и о, чудо! Что-то намечается. Стоило открыть веко, как в глаз тут же ударил яркий свет ламп, которые светят буквально отовсюду. Помещение, мягко говоря, не «all inclusive», но кто же меня спрашивал о доплате за хорошие условия и комфорт? Оно напоминает жестяную банку, – такое же серое и невзрачное, и я в этой банке вонючая сардина. Без шуток, смердит от меня только черти знают – чем! В квадратной жестяной коробке светит долбанных десять ламп! Десять!

Передо мной стоит неказистый стол, вторя цвету стен, в одной из которых видны очертания двери. Ручки с моей стороны, конечно же, нет. Ставлю свой зад на кодовый замок, или вообще биометрический. Тот, кто затащил меня сюда, явно хорошо обеспечен. Осталось выяснить, кто же это был. Первым делом я подозреваю карателей, но требуется выяснить больше, а этого я не сделаю, пока ко мне не подсадят собеседника.

Исходя из ощущений, трекер с моей руки сняли, и вероятнее всего, разбили, а значит, полагаться на спасение смысла нет. Да и буду честна, кому в нашем мире упёрлась гончая без сверхспособностей? Мой наниматель, конечно же, вспомнит обо мне, но боюсь, к тому моменту я заработаю себе огромный штраф, а это не совсем то, на что я рассчитываю.

Представляю, как я сейчас должно быть великолепно выгляжу. Длинные чёрные волосы разметались по спине и плечам, и я вижу в них приставшую грязь. По каким канавам меня протащили, в самом деле? Куртки нет, белая рубашка до похорон точно не дожила, – какая досада. Брюки заляпаны кровью, и тут я улыбаюсь. Со стороны, вероятно, улыбка похожа на

оскал, но я не могу не сверкнуть белоснежным рядом зубов, когда вспоминаю о том, как разрубила на части парочку верзил, пока не слегла, потеряв сознание. Затылок у меня ноет так, что хочется заскулить, но такой роскоши я себе позволить не могу. Что бы ни случилось, хера с два я пискну. Стоит вспомнить суровый взгляд сенсея, и губы сами собой смыкаются вместе с челюстью.

Самое досадное в этой ситуации вот что:

– Эй! Я в туалет хочу! Если не позволите мне сходить справить нужду, я залью вам тут весь пол!

Согласна, звучит не очень приятно, но зов природы выше меня, а я всё же девочка. Не хотелось бы обмочиться себе в штаны. Голос у меня проскрипел, словно я три ночи орала в караоке и надиралась крепким алкоголем.

В двери щёлкает замок и в помещение входит мужик средних лет. Одет с иголочки, в руках у него папка. Тонкие губы, короткая стрижка на светлых волосах, густые чёрные брови, слегка свисающие щёки, под глазами залегли мешки. Он бросает папку на стол и садится напротив меня, смерив таким презрительным взглядом, словно перед ним куча дерьма, а не человек.

– Я хочу в туалет, – снова повторяю я, и вижу, как мужик морщится. О, да, чувак, дерьмо умеет разговаривать.

В самом деле, неужели ему плевать, что я могу наделать тут лужу? Сколько вообще сейчас времени? Как долго я была в отключке?

Мужик задумчиво хмурит брови, а затем подаёт какой-то знак. Повсюду камеры, и не сказать, что меня это удивляет. В помещение входит один из верзил, в руках у него ржавое ведро. Он ставит его на пол и подпинывает в мою сторону. Я окидываю его вопросительным взглядом:

– И как я должна это сделать?

Руки у меня в наручниках, ноги и вовсе цепями закованы, я им что, – дух бесплотный?

Верзила долго и упорно смотрит на мужика в парадном костюме. Тот едва заметно кивает, и он подходит ко мне, поднимая меня со стула за шкирку.

– Мать моя сатана, отец мой чёрт сутулый, да что за херня?! – я пытаюсь возмущаться, но даже взбрыкнуть не могу.

Верзила ставит меня рядом с ведром и ждёт, пока я сделаю свои дела.

– Вы меня совсем за животное принимаете?! Хоть помещение покиньте, в конце концов, ширинку я как должна расстегнуть?!

Прекрасно понимаю, что на человеческое отношение мне не стоит рассчитывать, но можно же дать в туалет сходить?

Мужик встаёт из-за стола и покидает помещение вместе с верзилой. Вместо них заходит щуплая дама в возрасте.

– О, так бы сразу, – радуюсь я и тут же жалею о своих словах.

Дама не церемонится; рвёт мою ширинку, стягивает штаны с трусами и с такой яростью заставляет сесть на жестяное ведро, что я едва ли успеваю сообразить, что происходит. Неловкая ситуация, но с кем не бывает? Сделав свои дела, я смотрю на неё, как на святой грааль, и она понимает, что я закончила, и пора бы вернуть меня в нормальное положение. Сетовать на впившиеся в задницу трусы мне не приходится, это было бы уже слишком. Она возвращает меня на стул, проверяет цепи, а затем молча уходит, унося ведро. Думаю, это был худший и самый позорный день в её жизни. Я лишь пожимаю плечами – бывало и хуже.

Мужик возвращается, садится на своё место, и тяжело вздохнув (Тяжело? Какого хера ему вообще тяжело?), открывает передо мной папку.

Я делаю вид, что ни хрена не заинтересована, но кого я пытаюсь обмануть? Мне до чёртиков любопытно, ради чего, мать вашу, меня сюда притащили?! На первой странице красуется

моя детская фотография. По телу мгновенно бегут мурашки, как только воспоминания врезаются в память. Снова. А я ведь думала, что уже никогда не придётся возвращаться в тот день.

На фотографии мне исполнилось пять лет, я выгляжу счастливой и улыбаюсь. И тут мужик решается заговорить:

– Йона Мария Велакис, восемнадцать лет, коренная уроженка Сильвантиса, проживающая в столичном городе Кан-Аректсис. – он смотрит на меня вопросительным взглядом.

– Вообще-то, на фотографии мне пять.

Мужик готов вмазать мне по лицу, и черти тому свидетели, я его прекрасно понимаю! Шутка неудачная, как и вся моя жизнь. Этого я не буду озвучивать, пожалуй.

– Да, – кротко подтверждаю я.

Он продолжает выдавать обо мне информацию, которая доступна любому идиоту в сети:

– В возрасте пяти лет потеряла родителей. Воспитанием занимался опекун. Училась в академии Аректсиса, закончила с отличием. В восемнадцать прошла отбор и выиграла в поединке среди Гончих. В данный момент Йона Мария Велакис числится гончей Кайдена Дорéйна.

Я киваю на каждое его предложение. Он говорит всё верно и без единой ошибки. Мужчина смотрит на фотографию, затем на меня, и говорит то, что мне совсем не хотелось бы услышать:

– Всё твоё досье – полная чушь!

Я не собираюсь так просто соглашаться:

– Почему же? Вы верно всё сказали, подписываюсь под каждым словом. Только вот не могу понять, на кой хер я вам нужна?

Очевидно, на мои вопросы никто не собирается отвечать, потому что грёбаный пиджак вдруг сердится:

– Слишком всё хорошо, не подкопаться, – цедит он свозь зубы, прошелестев языком. – Твоему досье могут поверить каратели, но не мы.

Вот оно! Мужик сам выдал, что к карателям они не принадлежат, но раз он и не скрывает от меня, что они являются другой организацией, значит, живой не собираются оставлять. Планируют выбивать из меня признание? Но о чём? Я пока не могу уловить ход их мыслей. Дело в моём нанимателе? Но Дорейн слишком известная семья, а я слишком мелкая сошка, чтобы что-то знать полезное. Я вздыхаю, и в груди у меня расцветает лотос.

Не заметила, что всё это время я инстинктивно подавляла боль от сломанных рёбер. Мать моя сатана, отец чёрт сутулый…!

– И что вы от меня хотите? – искренне выказываю удивление, моргая залитым глазом.

Мужик тычет пальцем с идеальным маникюром в досье на моё фото:

– Ты родилась с чёрными глазами, не имея ни капли сил, и ты осталась единственной выжившей в день смерти своих родителей. Я хочу знать, – как тебе это удалось?

Впервые заглядываю в его глаза, чтобы оценить, к кому он принадлежит. Его радужки насыщенного орехового цвета, а в зрачках виден листок. Он обладает стихийной магией, предположу – воздух. А если так, то он с лёгкостью может заставить мои лёгкие пылать. Ну и морока.

На что ещё я не обратила внимание, так это на ошейник, который обычно цепляют на преступников, и тех, чья сила вырывается наружу, разрушая рассудок человека. Но к чему он мне? Во мне сверхсил нет ни грамма.

– День смерти моих родителей… я ничего не помню, это есть в досье. На нас напали, а когда я очнулась, родители уже были мертвы. – голос мой звучит твёрдо, но пиджак решительно намерен не доверять мне. Не знаю, какие у него для этого основания, но раз я здесь, значит они что-то накопали.

– Родители, в отличие от тебя, имели сверхсилы. Отец у тебя стихиец, мать – оборотень! Они не могли так просто погибнуть, и ты знаешь, что тогда случилось, но отказываешься говорить.

Он подаёт сигнал рукой, и дверь открывается. В помещение затаскивают тело Кайдена. На нём живого места нет. Кровь у меня в жилах мгновенно закипает:

– Вы хоть соображаете, против чьей семьи посмели выступить?!

Чета Дорейн – известна на всю страну и за её пределами. Они отличаются уникальной кровью, а их сила – исцеление, которое встречается у единиц. Всего в нашем мире насчитывается не больше пятнадцати таких, как Кайден Дорейн. Стоит ли говорить, насколько они богаты, и что их знает каждая собака в подворотне?

Мужик поднимается со стула, демонстративно берёт Кайдена за подбородок и показывает мне печать на его шее – метка Красного Альянса.

Если и есть в мире большее зло, чем преступные группировки, то это люди, состоящие в Красном Альянсе. Они от рождения обладают красными глазами, и могут подчинять своей воле других. Если Кайден пострадает, я умру вместе с ним. Грёбаный кодекс! Я попадаю сразу под несколько пунктов! А умирать мне ещё слишком рано.

– Мне плевать, из какой он семьи, нам важна ты и твоя история.

Я перевожу взгляд с избитого Кайдена на мужика и обратно, затем смотрю в досье. Информация о смерти моих родителей не является секретной, и даже если я распишу во всех подробностях тот день, что они с него поимеют?

– Если расскажу, что это изменит?

Мужик переменился на глазах, выражая радушие:

– Если согласишься немного посотрудничать, то мы снимем метку и отпустим твоего хозяина.

От меня не укрылось, что моя шкура в эту сделку не входит.

– А если откажусь?

Мужик решил воздействовать силой не на меня… на Кайдена. От одного его движения, воздух покидает лёгкие моего нанимателя, он начинает хрипеть и задыхаться, повалившись на пол. Проклятье! Мать моя сатана, отец чёрт сутулый! Нужно срочно что-то делать! Я могу долго строить безразличие, но что, если он и правда убьёт его?! Я не могу этого допустить:

– Я согласна! – кричу, лязгая цепями для пущего эффекта.

Пиджак перестаёт убивать Кайдена. Тот жадно хватает спёртый воздух помещения, а потом его уволакивают прочь, как мешок с картошкой.

Мужик садится на своё место:

– Меня зовут Дерел, надеюсь, наше сотрудничество принесёт пользу каждой стороне. – от его улыбки у меня по спине бежит холодок.

– Что ты хочешь знать?

Он снова тычет в моё фото:

– Хочу знать, как ты потеряла свой левый глаз, госпожа Йона.

Глава 2. Розовое платье.

Йона, 5 лет.

Я с нетерпением ждала сегодняшний день и готовилась несколько месяцев. А вчера и вообще с трудом смогла заснуть, потому что сердце у меня заходилось как у кролика. Родители обещали разбудить меня с утра пораньше, но я сама вскочила, когда на часах едва пробило шесть.

Я слезла с кровати и босиком помчалась в комнату родителей. К моему удивлению, мама спала в одиночестве. Отец так рано ушёл на работу? Мне стало немного тревожно, но это был не первый раз, когда папа отсутствовал ночами. Я забралась на кровать к маме и зарылась носом в подушку. Она заботливо накрыла меня одеялом и сказала странную фразу:

– Если бы только ты родилась с другими глазами…

Я уже проваливалась в сон, так что не смогла спросить, что не так с моими глазами, но, когда проснулась, совсем позабыла об этом.

Мне казалось, что родители всегда любили меня, даже несмотря на то, что сил у меня в теле не было ни капли. Меня часто водили по бесчисленным клиникам и врачам. Проводили тесты, крепили странные штуки к голове, что-то исследовали, брали кровь. Я видела в этом заботу. Если я родилась единственной на весь мир без особых глаз, дающих сверхспособности, значит что-то во мне было не так. Немного сломано, и это просто требовалось починить. Потому-то родители и водили меня по врачам, – чтобы спасти, чтобы я могла жить как все, когда вырасту.

В учреждении для детей, не достигших академического возраста, все относились ко мне лояльно. Я завела множество друзей, и никто ни разу не сказал мне, что со мной может быть что-то не так. Скорей было наоборот – меня воспринимали как диковинку, нечто странное и необычное, а от того притягательное.

Пригревшись в родительской постели, я не заметила, как проспала всё на свете. С воплями и писками вскочила с кровати и понеслась на кухню, где мама уже накрывала на стол сладости:

– Милая, куда ты так спешишь? Гости придут только через три часа, ты всё успеешь!

Я неслась через кухню в ванную комнату, едва не ударившись головой об открытую дверцу холодильника. Мама заботливо приложила руку к моему лбу и остановила меня. Я захлопала в удивлении глазами:

– Ой! Но мама, они же скоро придут, а я ещё не умыта, не причёсана! А моё платье?! Платье готово?!

Стоило мне заметить прекрасное розовое платье в витрине магазина, как я не слезала с ушей родителей целую неделю, умоляя купить мне его в качестве подарка на день рождения. Цена у платья, как сказала мама: «кусалась», но я была не в том возрасте, чтобы понимать, от чего же светящаяся бирка могла вдруг наброситься и «покусать» покупателя, а потому продолжала ныть и канючить, пуская сопли пузырями. На мою радость, платье мне купили, и сегодня, когда мне исполнилось пять лет, я готова была надеть его, чтобы выглядеть на зависть всем подружкам!

Я прошлёпала в ванную, забралась на небольшой стул, умылась и почистила зубы. В зеркале на меня смотрела странная девчушка с такими чёрными глазами, что они казались бездонными. Волосы у меня тоже росли чернющими, как сама ночь, царящая над нашим миром. Цвет волос достался мне от мамы, она у меня оборотень. Её глаза цвета янтаря, а внутри зрачка можно рассмотреть коготь. Моя мама – птица, а вот отец стихиец, – в его ореховых глазах в зрачках виден лист. Отец может управлять огнём, и я часто слышала, что на работе его хвалят за способности. Почему же у меня их нет? Смотрю в зеркало, приближаясь к своему отражению всё ближе – ничего, одна сплошная чернота, даже зрачка не видно. Если верить книгам, то мои глаза похожи на глаза демона, но разве может малышка, которую я вижу в зеркале – быть демоном? Мотаю головой и убираю свой стул, иначе мама снова будет ворчать, а сегодня не тот день, когда мне хотелось бы слушать очередные нравоучения.

Я вообще не люблю учиться. На занятиях нас постоянно учат письму и чтению, но мне хочется лишь играть с друзьями. Единственные занятия, которые я пропускаю – когда все тренируются, используя свои силы. Я лишняя на этом времяпровождении, а потому обычно про-

сто гуляю по улице рядом с нашим зданием. Пару раз я, конечно, посещала их, но быстро поняла, что только мешаюсь под ногами, к тому же могу пострадать.

Бегу в свою комнату, – она у меня небольшая, но уютная, и вся оклеена постерами с героями из любимых мультфильмов. Розовые обои, розовая кровать, стены, стул и даже стол – розовый цвет – мой любимый. Мне нравится представлять, что когда-нибудь я вырасту и у меня появятся необычные силы, желательно похожие на магию фей из книжек. Беру в руки свою игрушечную волшебную палочку и распыляю из неё иллюзорную пыльцу, воображая, что я настоящая фея.

Мама помогает мне переодеться в платье, заплетает волосы в высокий хвост, повязывает на него розовый бант, а в дополнение на ногах сияют босоножки на застёжке. Не сложно догадаться, что цвет у них тоже розовый.

– Мам, смотри! Я облачко! – я кружусь вокруг своей оси, и моё воздушное платье порхает оборками и рюшами.

Мама улыбается:

– Наша принцесса самая прекрасная на свете. Сегодня твой день, и ты будешь сиять самой яркой звёздочкой.

Я хотела поблагодарить её, но тут раздался щелчок в замке двери, и показалась сначала связка огромных воздушных шаров, а затем ноги папы, спрятанные за этим парящим розовым безумием. Я тут же бросаюсь к нему:

– Папочка!

– Здравствуй, моя принцесса, я не опоздал? – он переводит виноватый взгляд с меня на маму и обратно. – Какая же ты красивая!

Я заливаюсь гордостью за своё платье и прямо пылаю, утопая в счастье! Это непременно самый лучший день в моей жизни!

Мама помогает отцу распределить шары по комнате, заканчивает приготовления и вот уже на пороге появляются гости. Я встречаю своих друзей, они дарят мне всякие несусветные подарки, которые покупали за них, конечно же, их родители. Но меня это нисколько не волнует, ведь сегодня мой день рождения! Я буду рада даже просто подаренной конфете!

Нас усаживают за стол, и мы, смеясь и без умолку рассказывая всякие небылицы лопаем торт, распивая по пять кружек чая. Мама иногда приходит нас сфотографировать на свои часы, которые носят все повсеместно, как только достигают совершеннолетнего возраста. Мы с девочками и мальчиками дурачимся, записываем смешные видео, корчим лица, в общем делаем всё, что делали бы наши сверстники.

Я вдруг вспоминаю, что забыла принести свою волшебную палочку и несусь в свою комнату, но по пути останавливаюсь у приоткрытой двери родительской комнаты. Мама с папой разговаривают на повышенных тонах, и мне снова становиться тревожно. Мама в пятый раз спрашивает отца:

– Где ты был?! – я слышу в её голосе злость.

– На работе! Ты же знаешь, у нас полный завал! Почему ты злишься? Разве я опоздал? Нет! Пришёл вовремя, принёс эти дурацкие шары, что ещё тебе нужно?!

Почему же папа так разговаривает с мамой? Разве она заслужила такое отношение к себе? Она всё утро готовилась, чтобы устроить мне праздник.

– Я следила за твоим трекером, и ты не был на работе!

Отец садится на край кровати, устало потирая виски. Я затаилась, боясь даже дышать.

– У нас на кухне с десяток чужих детей, ты правда хочешь выяснять отношения сейчас? Лучше бы ты так за своей дочерью следила, чем за мной, глядишь, у неё наконец-то и силы могли пробудиться!

Мне хочется плакать от колких слов своего отца, но я лишь крепче вжимаюсь в стену.

– «Своей»?! Это и твоя дочь тоже!

– Это – не может быть моей дочерью!

В комнате раздаются спешные шаги, мама места себе не находит:

– Не говори о ней так! Просто её глаза ещё спят, но она обязательно обретёт силы!

Отец устало вздыхает:

– Мы столько денег потратили на эти клиники и что? Нет в ней сил! Нет и не будет! Лучше бы она вообще не появлялась на этот свет! Всё ты виновата! Ты её такую родила!

Тут я уже не выдерживаю, и разрыдавшись в три ручья бегу в свою комнату. Забираюсь под одеяло и судорожно плачу, закрывая рот рукой, чтобы никто не услышал мои всхлипы. Почему же он так сказал? Почему? Неужели родиться такой как я – плохо? Почему моё существование должно вызывать вопросы даже у родителей? Они не любят меня? Просто из-за отсутствия способностей? Мне хочется сбежать, но в доме полно гостей, и я должна проводить их. К тому же нельзя, чтобы родители узнали, что я подслушала разговор.

Я кое-как вылезаю из-под одеяла, стираю с глаз слёзы, беру в руки волшебную палочку и возвращаюсь на кухню:

– Простите, что опоздала, мне показалось, что я потеряла свою палочку, – я случайно всхлипываю, выдавая своё расстройство.

– Ты из-за палочки так распереживалась? Йона, не бойся, у настоящей волшебницы сила есть даже без неё! – с улыбкой на лице говорит мне моя подружка Сая. Ей говорить легко, она стихиец. В подтверждение этого, Сая поднимается на стул, возносит руки к потолку и с него начинают сыпаться снежинки. Её стихия – вода.

Я улыбаюсь ей в ответ, искренне восхищаясь её силой и способностью скрасить любую грусть.

К вечеру мои друзья расходятся по домам. За каждым из них приходят родители, и уводят отдыхать. У меня же ещё были запланированы фейерверки, так что я остаюсь дожидаться, пока мама с папой переоденутся.

Сейчас они выглядят счастливо, словно и не было того разговора, но на душе у меня скребут кошки, ведь я услышала то, что не должна была.

Мы выходим на улицу, и в нос сразу бьют ароматы выпечки, доносящиеся из магазинчика рядом с нашим домом. Повсюду горят неоновые вывески, огни негаснущих фонарей, по дорогам с рёвом проносятся автомобили, на тротуарах снуют прохожие, готовые унести меня волной вслед за собой. Мама крепко держит одну мою руку, отец вторую, и я чувствую некую опору и уверенность, что с ними мне ничего не грозит. Мы идём в парк, откуда можно запустить фейерверк. Навстречу нам попадаются гуляющие парочки, семьи, компании девушек и парней и просто одиночек. Стоит мне заглянуть в их глаза, и я вижу удивление при виде меня. Их глаза такие необычные и разнообразные; красные, жёлтые, ореховые, янтарные, зелёные, голубые, серые, – и все они имеют свою силу.

Янтарные отражают принадлежность к оборотням, ореховые – стихии, красные – менталисты, жёлтые – исцеление, зелёные позволяют «общаться» с природой, пользуясь силой земли, голубые – техники, среди которых есть специалисты даже по ракетостроению, серые – металлокинетики. Есть и ещё несколько других цветов, но мама говорит, что мне пока рано знать, что именно они означают. Я как-то спросила у своих друзей, но они поделились только информацией о семье Дорейн, хотя в ней я не нуждалась. Все знают, что их семья одна из самых могущественных в стране и даже в мире. У их золотых глаз нет зрачков. Говорят, их глаза похожи на солнце. На планете Обсидиан, – это единственное солнце, которое можно увидеть, но я сомневаюсь, что когда-нибудь встречусь хоть с одним членом из семьи Дорейн. Есть ещё одни глаза – белые, и принадлежат они девушке-оракулу, изображение которой я вижу везде, куда бы не пошла.

Она похожа на ангела; у девушки белоснежные волосы, белые глаза под покровом таких же белых ресниц, даже брови её бесцветные. На вид ей лет пятнадцать, но живёт она уже несколько сотен лет. Горят, она появилась в момент, когда солнце исчезло с нашего горизонта. Люди верят, что она сама является этим солнцем, сошедшим до нас, и имя ей – Элия.

Тем временем, пока я предавалась раздумьям, мы уже зашли в глубь парка. Отец скинул рюкзак и начал свои приготовления. Мама продолжала держать меня за руку:

– Как только запустим фейерверки, не хочешь ещё прогуляться?

Я понимала, что возможности провести время целой семьёй может и не появится в ближайшем будущем, а потому согласилась:

– Конечно! – я старалась, чтобы голос у меня звучал весело, но мне всё ещё было неприятно от услышанных слов обо мне.

Отец закончил устанавливать какую-то странную коробку, зажёг фитиль и отошёл в сторону, поближе к нам. Я с замираем сердца приготовилась ждать, когда в небе прогремят красивые сполохи. Первый залп поднялся вихрем в небо и прогремел, рассыпавшись на миллионы цветных искр, а затем последовал второй. Я упустила момент, когда мама убрала свою руку. Я наслаждалась зрелищем, и не заметила, как они с отцом о чем-то шепчутся, пока перед моими глазами разворачивалось чудесное представление, и я была всецело поглощена им.

А потом…

Среди красочных залпов блеснуло лезвие. Мать накинулась на меня и повалила на землю. В руке у неё был острый нож, которым совсем недавно она резала торт. Я перепугалась:

– Мама! – закричала я, не понимая, зачем она наставила на меня лезвие.

В глазах матери стояла пелена слёз, она вдруг судорожно начала трястись и приговаривать:

– Потерпи, милая, я избавлю тебя от этих проклятых глаз раз и навсегда, просто потерпи.

Я не желала ни терпеть, ни избавляться от своих глаз. Я начала кричать и вырываться, но она держала меня крепко. Бросив взгляд на отца, заметила, что тот прикрывает ладонью рот и озирается по сторонам, а фейерверки всё сверкали и сверкали…

– Помоги мне! Что ты встал столбом! – заорала на него мать.

Отец засуетился, но всё же подошёл, вцепившись в мои руки.

– Потерпи, малышка, мы тебя вылечим, – нервно заговорил отец.

Его руки до боли сжимали меня, пригвоздив к грязной земле. Мать давила на моё тело, а я продолжала хрипло визжать и вырываться, пока не получила удар по лицу. От звонкой пощёчины всё вдруг закружилось, перед глазами засверкали искры, вперемешку с огнями цветных залпов.

ФИУ. БАМ. ФИУ. БАМ.

А затем начался ад.

От ножа, вонзившегося в мой левый глаз, я практически сразу потеряла сознание, не сумев справиться с болевым шоком. Прежде, чем закрыть второй глаз, сквозь слёзы я увидела, как мать поворачивает голову и начинает кричать.

Когда я очнулась, вокруг меня толпились люди. Левый глаз болел так дико, что я не могла ничего сообразить. Я кое-как поднялась на ноги и увидела, что сталось с моими родителями. Их тела были разрублены на такие мелкие куски, что невозможно было вообразить монстра, способного на столь зверское убийство.

Сначала я обмочилась от страха, а после оставила весь праздничный торт на траве, опустошив свой желудок. Грязная, израненная, без левого глаза, я так и стояла, смотря на останки своих родителей, пока не приехали карателии, а вместе с ними и медики.

Глава 3. Торг.

Йона.

– Таким образом, мои родители решили сыграть в игру: «выколи глазки своему малышу». – я усмехаюсь.

Не заметно, чтобы пиджак оценил мою рифму, но я собой точно горжусь. Ну а что мне ещё остаётся? Дерел морщится, его брови хмурятся, он долго и упорно рассматривает досье, почёсывая голову, а потом выдаёт:

– И это всё?

Я чуть не заорала во всю глотку, едва сумела сдержать порыв:

– Я так и сказала! – возмущаюсь своим охрипшим голосом. – попить не найдётся?

Пиджак смотрит на меня презрительным взглядом, полным подозрения. Особое внимание он уделяет шраму, оставшемуся на месте моего левого глаза:

– Почему ты не сделала операцию? Можно было восстановить свой прежний глаз. Судя по отчёту из банка… – он копошится в бумагах. – Дорейн платит тебе много даже по меркам гончих.

Мне не нравится, что они сунули нос в мою банковскую выписку. Какая им вообще разница, сколько я получаю за свою работу? Всем известно, что иметь в своём услужении гончую стоит немалых денег. Я пытаюсь придумать ответ, который бы пришёлся по душе пиджаку и тем, кто за ним стоит:

– Гончей я стала лишь год назад. До этого мне негде было заработать такую большую сумму. К тому же, вся зарплата уходит на страховку, и не мне вам объяснять, что из-за верзил, побивших меня, круглая сумма снова уйдёт на лечение. Когда же мне заниматься своим глазом? – в моих словах звучит почти что правда. Я не собираюсь раскрывать им все свои карты.

Пиджак снова морщит свой лоб:

– Допустим. Тогда возникает другой вопрос, – он немного молчит, выдерживая паузу, словно обдумывает, как лучше сформулировать предложение. – После похорон тебя вдруг удочеряет некий мужчина, которого ты зовёшь своим сенсеем. – Тут я напрягаюсь, потому что про сенсея я им ничего не говорила. – Но вот в чём загвоздка: ни имени, ни фамилии, ни адреса у него нет. Отсюда возникает множество вопросов: где вы жили? кто он такой? почему взял тебя под опеку?

Хотелось бы мне самой знать, но к большому сожалению, мне до сих пор ведом ответ только на его первый вопрос:

– Мы жили на севере Кан-Аректсиса, недалеко от академии. – на самом деле жила я там одна, сенсей лишь появлялся иногда, изводил меня донельзя тренировками и уходил в закат, оставляя наедине с ранами и побитым телом.

Пиджак вновь хмурится:

– Хочешь сказать, – тебе неизвестно кто он такой? – по глазам вижу, что он не верит ни одному моему слову. Интересно, на сколько далеко простирается его терпение?

Я молчу, а затем решаю устроить торг:

– Дайте мне воду, а я отвечу.

Вообще-то я уже просила попить, но почему-то моя просьба осталась заигнорена. Им, конечно, плевать на моё состояние, но ворочать сухим языком не слишком приятно.

– А потом ты запросишь еду? Затем комфортный стул, а после и кровать для сладкого сна? – язвит пиджак.

Я расплываюсь в кривой улыбке:

– Было бы неплохо.

Надо видеть, как перекосило рожу Дерела. Зачем предлагает, если знает, что от такого сложно отказаться в моей-то шкуре?

– Будет тебе вода, но на большее не рассчитывай. – он подаёт сигнал, и спустя пару минут в помещение заходит та самая щуплая дама и приносит стакан воды.

Я просто вне себя с такой щедрости! Интересно, им пришлось с силой её отбирать? Не могу промолчать:

– Сколько вам пришлось заплатить за этот стакан? Пятьсот сару? Тысячу? Или вы с боем отвоевали у местных?

В следующее мгновение я понимаю, что лучше бы я молчала. Дамочка демонстративно переворачивает стакан, и вода расплёскивается на пол. Я удручённо вздыхаю. Пиджак видимо расщедрился на жалость ко мне:

– Принеси ей бутылку.

– Без газа, – встреваю я, надеясь, что мне не принесут отраву.

Щуплая дама закатывает глаза и уходит, с грохотом закрыв дверь. И в самом деле, худшего дня в её жизни не случалось. Я же решаюсь на ещё одну небольшую наглость:

– Можете сковать руки спереди? – я ёрзаю, показывая, что с закованными за спиной руками мало что могу сделать.

Дерел щурится, оценивая риски. Неужели он думает, что я смогу сбежать отсюда? Без своей MALINA, с пристёгнутыми к полу цепями ногами, да ещё и чудом должна умудриться взломать биометрический замок? К тому же, за дверью стоят верзилы, которые при первой же возможности снова огреют меня по башке, и боюсь, в этот раз потерей сознания всё не обойдётся. Пиджак снова подаёт знак и внутрь заходит верзила. Видимо дамочка бежит в этот момент кабанчиком за водой.

– Принеси вместе с водой трубочку.

О, я готова расплакаться! С какой нежностью он это сказал! Сколько заботы! А если я ему что побольше про свою жизнь расскажу, то и вовсе расцелует в щёки и отпустит? Шутки шутками, но расслабляться рано. Где-то у них в заложниках Кайден, и пока он носит на себе метку, моя шкура в большой опасности. К моей радости, наконец приносят воду и трубочку. Пиджак открывает бутылку, вставляет трубочку и пододвигает ко мне:

– Пей и будь добра ответить на вопросы, госпожа Йона.

Дважды мне предлагать не нужно. Я тут же наклоняю голову и принимаюсь жадно втягивать воду. На моё счастье, она без газов и даже слегка прохладная. Оставляю половину, не зная, доведётся ли мне ещё выклянчить одну бутылку, а затем обращаюсь к Дерелу:

– Что вы хотите знать?

Пиджак складывает руки в замок, опираясь на стол:

– Для начала ответь, ты знаешь, почему родители пытались… выколоть твои глаза?

На этот вопрос у меня есть ответ, пусть я и не совсем в нём уверена:

– Да, – делаю паузу. – Они верили, что если провести операцию и восстановить глаза заново, то можно пробудить силу. Позже, я нашла документы, когда разбирала вещи из дома. Они всё подготовили заранее, и даже подписали, дав своё согласие. Не знаю, с кем был заключён договор – вторая сторона не упоминалась в документе, вероятно, операция проводилась бы нелегально, чтобы не задавали лишних вопросов.

Пиджак задумчиво потирает лоб:

– Уж проще было убить.

Я немного опешила с такого заявления, но не могу не согласиться. Возможно, если бы они так и сделали, то жизнь моя не расцвела бы алыми красками крови и страданий. Мои родители не знали, или предпочитали не принимать правду о том, что глаза невозможно изменить, и сила не появится, сколько не проводи операций. Было много умников, которые пытались комбинировать глаза, делая пересадки, наивно полагая, что смогут создать машину для убийств. Только вот ничего не получалось и жертвы были напрасны. Сила глаз у всех людей происходит с их рождения, и остаётся неизменной до самого конца, пока не сыграют в ящик.

– И тем не менее, я здесь. – я невесело улыбаюсь.

– Поговорим о твоём сенсее. Откуда он взялся?

Прослушав мою историю, он снова ничего не узнает, но раз его волнуют любые крохи, так и быть.

Глава 4. Сенсей.

Йона, 5 лет.

Сирены не смолкали целую вечность, ну или мне так казалось. Группа врачей принялась осматривать меня, тяжело вздыхая. Не знаю, каково им было смотреть на мою рану, думаю, привычно, они ведь часто сталкиваются с подобным. Зато сама я хотела провалиться сквозь землю. В сторону тел родителей старалась не поворачивать голову. На моё счастье, меня довольно скоро напоили какой-то дрянью, погрузили в сон, и видимо увезли к больницу, потому что очнулась я среди пикающей аппаратуры, белых стен, пристёгнутая руками к койке.

Первое, что я испытала – страх. Дикий и первобытный страх. Воспоминания о том вечере хлынули волной в мой неокрепший разум. Я начала извиваться и кричать, пытаясь вырваться. На мои крики тут же сбежались врачи и медсёстры. Одна из женщин, грузная на вид, сделала мне укол, и я обмякла, как моя тряпичная кукла.

К койке подошёл незнакомый дядька, держа перед собой планшет:

– Мы дали тебе успокоительное. Скажи, как ты себя чувствуешь? Глаз не болит?

Только после его вопроса я осознала, что действительно не ощущаю никакой боли. Дотронуться до лица я не могла, но даже так чувствовала гору бинтов, повязок, каких-то тампонов, прикрывающих то безобразие, которое, вероятно, там осталось. Я неоднократно сталкивалась с врачами, так что угрозы в них не видела:

– Нет, мне не больно, – отвечаю я, и голос мой звучит до того тихо, что я начинаю сомневаться, что им удалось расслышать. Судя по тому, как ловко мужчина вбивает что-то в планшет, – меня он всё же услышал.

Медсёстры суетливо ставят свои капельницы, потому что пока я дёргалась, то сдёрнула иглу.

– С тобой хотят побеседовать каратели, скажи, ты готова дать показания? – обращается ко мне мужчина-врач. – Если плохо себя чувствуешь, то я скажу им приходить позже.

Я смотрю на его бейдж:

– Доктор Ларс Реверсон…

Мужчина резко спохватывается, хватаясь одной рукой за шапочку:

– Ох, прости, я совсем забыл представиться! – он суетливо поправляет свой бейдж и улыбается мне одними глазами. Половина его лица скрыта под медицинской маской. – Я Ларс Реверсон, твой лечащий врач, а это Майя, – он указывает на грузную медсестру, затем кивает в сторону второй девушки, на вид она только-только закончила академию. – А это Наоми. Они будут ухаживать за тобой, пока ты не поправишься.

Я стараюсь улыбнуться им, но у меня не выходит из-за действия лекарств:

– Я готова дать показания.

Мне скрывать нечего, и пусть я совсем не хочу возвращаться воспоминаниями в тот вечер, но они ведь всё равно не отстанут, я знаю, – видела в сети множество фильмов, где каратели допрашивают подозреваемых или свидетелей. Лучше уж закончить с этим как можно быстрей.

Доктор хмурится, видимо сомневается в моём состоянии:

– Ты уверена? Йона, для своего возраста ты пережила большое потрясение.

Я мотаю головой:

– Пусть заходят, я скажу им всё, что знаю.

Доктор кивает мне и вместе с медсёстрами покидает палату. Вместо них появляются два карателя: один мужчина средних лет с лысой головой, а второй парнишка лет двадцати. На поясе у него закреплено оружие, и даже в своём возрасте я знаю, что это MALINA, – чудо-пушка, способная изменять свою форму, переводя режимы. Значит передо мной каратель и его гончий. Лысый ставит рядом с койкой стул и садится, рассматривая меня с любопытством. Его интерес вызывает не рана вместо левого глаза, а чёрная радужка в правом. Он что-то нажимает в своём планшете:

– Меня зовут Морен Стенсом, я капитан отряда карателей, подразделение 25D – отдел по борьбе с преступностью Кан-Аректсиса. – он произносит это с такой гордостью, что никто бы не стал сомневаться в важности всех этих умных слов. – А это мой гончий – Арчи.

Странное имя, но я подозреваю, что он использует псевдоним. Гончие часто выбирают себе что-то отличное от своих имён, но мне вообще плевать, кто он и как его зовут по-настоящему:

– Меня зовут Йона Мария Велакис, мне пять лет, проживаю по адресу: Лисовская, двадцать семь. – не знаю, зачем я всё это проговариваю. Ощущение, будто я нахожусь под гипнозом.

Лысый улыбается:

– Видимо, ты и правда хорошо себя чувствуешь. Не против, если мы зададим несколько вопросов?

Я мотаю головой:

– Не против.

– Хорошо-хорошо. В таком случае, госпожа Йона, скажи пожалуйста, ты помнишь, что произошло в парке?

Мысли у меня начинают расплываться, вероятно лекарство действует слишком быстро:

– Мы пошли взрывать фейерверки, у меня был день рождения. Мама… она напала на меня, – я судорожно хватаю ртом воздух, будто подавилась. – Она хотела избавить меня от глаз, а потом что-то произошло, она закричала, но я не помню… я потеряла сознание.

Лысый бросает взгляд на своего гончего, тот согласно ему кивает. Мне совсем не ясно, что он имеет ввиду, но я и не лезу.

– Почему твоя мама напала на тебя? – снова обращается ко мне капитан.

– Я не знаю, – мне кажется, что я вот-вот заплачу, но слёз почему-то нет.

Капитан Морен кивает в сторону моего здорового глаза, и я вижу, что ему неловко:

– Ты родилась без каких-либо сверхсил. Знаешь ли ты, что твой случай единственный на весь мир? На Обсидиане нет ни одного человека, кто после утраты солнца и восхождения куба рождался бы без сил.

Глупый вопрос. Я узнала об этом, как только начала здраво мыслить:

– Да, знаю.

– Твой случай исключителен. У меня есть документы об исследованиях, которые проводились в частных клиниках. Родители заставили тебя?

В его взгляде нет ни капли тревоги за меня или жалости.

– Мама с папой хотели мне помочь, – тихо отвечаю я. Не хочу, чтобы их считали убийцами. – они не причинили бы мне вреда.

Капитан Морен морщится, Арчи что-то невнятно фыркает, какое-то ругательство, но я не расслышала.

– Родители не поступают так со своими детьми, если хотят помочь им. Ты уверена, что твоя мама напала на тебя? Может, это был кто-то другой? Тот, кто жестоко убил твоих папу и маму?

Он даёт мне ещё одну возможность оправдать моих родителей? Им же проще искать одного убийцу, а не копаться в нападении на меня, и отдельно на маму с папой. Я решаю угодить им:

– Не помню, я могла перепутать. На улице было очень темно, а я слишком быстро потеряла сознание.

Мой ответ пришёлся ему по душе. Мне же лучше, если от меня отстанут побыстрей. Лысый снова тыкает в свой планшет, а потом вдруг хмурится:

– У меня плохие новости для тебя, госпожа Йона. – он выдерживает паузу, вскинув на меня вопросительный взгляд. Я киваю, давая согласие озвучить что бы это ни было. – Мы оповестили всех родственников о случившемся, но, к сожалению, все они отказались забрать тебя под опеку. Мне неприятно об этом говорить, но скорей всего тебя заберут в приют.

Последнее его слово для меня звучит как приговор. Почему никто не захотел взять меня к себе? Тётушка и дяди отказались от меня?

– Почему? – вопрос срывается сам по себе.

Капитан вновь переглядывается с Арчи, словно гончий может дать ответ за него. Тот лишь пожимает плечами. После раздумий, лысый решает выдать мне правду такой, как она есть:

– Твои глаза. Не подумай, я не хочу тебя оскорбить, ты не виновата, что родилась такой, но боюсь, без способностей тебя никуда не примут. – Он имеет ввиду работу? Но разве есть разница, какие у человека глаза? Когда вырасту, я смогу работать так же, как и другие.

– Почему? – снова спрашиваю я.

Капитал Морен что-то пыхтит себе под нос. У него, кстати, серые радужки, а в зрачках видны переливы сплавов. Металлокинетики зачастую находят работу среди карателей, так говорил мне папа.

– Госпожа Йона, ты пока слишком маленькая, но когда вырастешь, непременно поймёшь. Жизнь людей изменилась, и они не хотят возвращаться к прошлому. Ты для них как бельмо на глазу, пережиток прошлого, ты напоминаешь им о бессилии. Никто не захочет связываться с девочкой, у которой нет сил. Они будут думать: «а вдруг из-за неё и я стану обычным?». – когда он ранит меня этими словами, я думаю только о том, что даже сейчас, сидя рядом со мной, он боится даже дышать одним воздухом, будто я заразная.

Я не хочу более слушать, как меня унижают. Приют так приют.

– Я вас поняла. Простите, я очень устала и глаз начинает болеть, – я лгу, но мне правда не хочется продолжать. Лекарство вот-вот унесёт меня в сны, и я очень хочу, чтобы мне приснилось что-то доброе, розовое, милое.

Капитан поднимается со стула:

– Спасибо за сотрудничество, госпожа Йона Мария. Ожидайте на днях представителей по опеке.

Я криво улыбаюсь:

– Спасибо.

Морен Стенсом уходит, забирая своего гончего, и я искренне рада, что могу остаться одна. Мне страшно, очень страшно, но я даже не могу заплакать. Лекарство погружает меня в сон, и вижу я в нём только кошмары.

Проснувшись среди ночи, я всё ещё пристёгнута к койке. Хочу позвать на помощь, но вдруг замираю, увидев странную тень, стоящую напротив меня. Ужас сковывает меня по рукам и ногам. Это всё ещё кошмар? Это убийца? Он и за мной пришёл? В голове кружит слишком много мыслей для пятилетнего ребёнка.

Тень двигается в мою сторону:

– Не бойся, я не причиню тебе зла. – мужской голос довольно спокойный, но я всё равно трясусь от страха.

– Вы пришли убить меня? Как убили моих родителей?

Тень издаёт что-то похожее на смешок:

– Нет, я пришёл забрать тебя и стать твоим опекуном, – он выходит на свет, и я вижу, что лицо его скрывается за маской демона из старого фольклора. Я такие видела в фильмах. – Тебя все бросили, идти тебе некуда, одна ты не выживешь, а если попадёшь в приют, от тебя тут же избавятся. Я предлагаю свою помощь в обмен на услугу.

Я теряюсь:

– Услугу? Мне пять лет! Чем я могу вам помочь? У меня ничего нет!

Я искренне не понимаю, что ему могло понадобиться от ребёнка. Может хочет на органы меня продать? Я о таком слышала, когда парни в группе страшили других девочек.

– Не сейчас. Ты окажешь услугу, когда станешь взрослей. – он подходит ещё ближе, и я уже могу почувствовать, что пахнет от него дождём. – Что думаешь? Если согласишься, я вытащу тебя отсюда немедленно, дам тебе достойную жизнь, буду о тебе заботиться. Выбор за тобой – пойти со мной или умереть.

– Вы убьёте меня, если откажусь?! – всё ещё лихорадочно размышляю, как бы мне завизжать, чтобы меня спасли до того, как он расправится со мной.

Мужчина вздыхает:

– Нет. Я не собираюсь тебя убивать.

– Тогда зачем я вам нужна? Почему вы хотите мне помочь?

Он садится на край койки:

– Потому что всякой душе в этом мире иногда требуется помощь. Ну так как, ты согласна?

Хочется позвать на помощь маму, но она мертва, как и отец. Станут ли меня спасать доктор Ларс и медсёстры? Успеют ли? Мужчина вроде не предлагал ничего плохого, и даже обещал не убивать, но стоит ли ему верить? А кому я вообще могу верить? Все родственники от меня отказались.

– Как вас зовут? – спрашиваю я, не рассчитывая получить ответ на свой вопрос.

Он немного размышляет, а потом говорит:

– Зовите меня сенсеем, ведь я собираюсь стать тебе учителем. Имена ни к чему.

– Сен-се-й, – выговариваю я, ворочая слово на языке. – Хорошо.

Не знаю, почему я согласилась. Может дело было в страхе, что если откажусь, то он всё же убьёт меня, или же то был страх попасть в приют и умереть там от рук других детей.

Сенсей одним ловким движением рук освободил меня и закинул на плечо.

– Будет немного страшно, но вот тебе первый и важный урок: ты всегда должна мне доверять больше, чем себе. – с этими словами он сиганул из окна клиники, и я даже пискнуть не успела, как мы оказались на земле. Не знаю, как он это сделал, но палата моя была на пятнадцатом этаже.

А потом он закинул меня в машину, в которой через стёкла не было видно ничего, кроме бесконечной черноты, в которой я видела своё отражение. Перебинтованная голова и испуг, застывший во взгляде.

Глава 5. Напоминание о прошлом.

Йона.

– А потом он привёз меня в дом, который стал для меня жилищем вплоть до моего семнадцатилетия. – закончила я.

Дерел явно остался не в восторге от моего рассказа. Мне кажется, что он и тот, кто за ним стоит, вообще слишком многого от меня ждут, но неужели они рассчитывали узнать то,

чего я и сама не знаю? Откуда им вообще стало известно о сенсее? Сейчас меня больше всего заботил этот вопрос, но я была уверена, пиджак мне не ответит.

– И ты ни разу не видела его лицо? – с сомнением спросил Дерел.

Я поёрзала на жёстком стуле, мысленно проклиная верзилу, который всё же смог меня свалить с ног. Посмотрела на пиджак с вызовом:

– Нет, а если бы и видела, думаешь, так просто выдала бы своего спасителя?

Он тут же отреагировал, ударив по столу кулаком:

– Прекрати дерзить! Ты не в том положении, госпожа Йона!

Надо же, «прекрати дерзить», и по-прежнему «госпожа» – смешно.

– Я правда не видела лица своего сенсея ни разу за все тринадцать лет, что он заботился обо мне. Откуда вам вообще стало о нём известно?

Я мысленно перебирала все возможные варианты, как они узнали про сенсея. Для всех в академии он был моим опекуном, и то скрытым за ширмой. Он ни разу не посещал ни одного собрания, действуя из тени так, что даже я сама ничего не ведала. Друзей у меня не было, и единственный, кто слышал от меня про сенсея – Кайден. Судя по лицу моего нанимателя, с него могли стрясти всю информацию обо мне, так что не удивительно, если этот хер проболтался. Мои догадки тут же подтвердил Дерел:

– Господин Дорейн поделился сведениями, – он замолкает, ехидно улыбаясь. – Хотя и не сразу. – специально делает акцент, чтобы я поняла – Кайдену досталось не меньше моего.

Мать моя сатана, отец чёрт сутулый! Зачем я только позволила ему пойти вместе со мной! Сейчас мой наниматель мог преспокойно наслаждаться едой, сном, выпивкой, или что он там планировал на сегодняшний день, а в итоге находится в полумёртвом состоянии.

Я фыркаю:

– В любом случае, мне больше нечего вам сказать.

Пиджак улыбается и переворачивает страницу досье. Кровь у меня в жилах застывает. Я стараюсь не подавать виду, но Дерел говорит:

– Узнаёшь эти лица?

Конечно узнаю! Этих тварей я и за всю свою короткую жизнь не смогла забыть, как ни старалась:

– Мы учились в одной группе в академии, – подтверждаю я. На фото изображены два парня и одна девчонка, всей троице по девять лет.

Пиджак переворачивает страницу:

– А это то, что с ними стало.

Мне даже не нужно заглядывать в ужасные кадры, я и без того прекрасно осведомлена о том, что с ними случилось. На фото изображены тела детей, порезанных на куски так же, как убийца покрошил моих родителей.

– А ко мне это какое имеет дело? Спрашивайте с карателей того района, они занимались расследованием, я только училась с ними и всё.

Дерел тяжело вздыхает, откидывается на спинку стула и скрещивает на груди руки:

– У меня есть другая информация. – пришла его очередь смотреть на меня с вызовом.

Не знаю, хотел ли он увидеть в моих глазах страх, но я не выказала ему ни одной эмоции, кроме безразличия:

– И?

– Тебе не кажется подозрительным, что их тела нашли в том же состоянии, что и тела твоих родителей?

Я беспечно вскидываю подбородок:

– Какой-то маньяк орудовал в то время на улицах Кан-Аркесиса, об этом всем известно. – пожимаю плечами. – Им не повезло так же, как и моим родителям.

Дерел смерил меня злобным взглядом:

– Госпожа Йона, вы знаете, где был ваш сенсей в ночь убийства?

Я пытаюсь делать вид, что старательно напрягаю чертоги своего разума и исследую девичью память:

– Да. Он был дома, со мной. – вру я. – В ту ночь он устроил мне такую тренировку, что я потом неделю нормально ходить не могла.

Пиджак усмехается:

– Ха! Тренировку. И что это были за тренировки?

Тут я могла бы начать свой рассказ и закончить лишь спустя сутки, но вряд ли от меня ожидают такие яркие подробности:

– Конкретно в ту ночь я стояла в планке, пока сенсей ставил мне под живот горящие свечи – закалял дух огнём, ух! – для пущего эффекта я передёргиваю плечами, о чём сразу жалею. Сломанные рёбра в моём теле ясно дают понять, что мы сейчас не в том положении, чтобы совершать резкие движения. И тут я не могу не согласиться со своим телом.

– И в ту тренировку ты заработала свои шрамы?

Ух-ты, им и об этом известно?! Всё же подготовились они неплохо. Думаю, перекопали все выписки из больниц. Вот только ожог был получен не в ту ночь, но пиджаку я говорить об этом не собираюсь:

– Да. Кое-что пошло не так, рука соскользнула, я упала. Одежда на мне вспыхнула мгновенно и опалила всё бедро.

Дерел шуршит страницами и достаёт белый лист, испещрённый печатными буквами:

– Согласно медицинскому обследованию, ожог на твоём теле выглядел так, будто ему уже несколько дней. Как ты это можешь объяснить?

Тут мне придётся изловчиться:

– Медбрат, который принимал нас в ту ночь, был немножко нетрезв, видимо он что-то напутал. – это не совсем ложь. Медбрат действительно был не в себе, только не из-за алкоголя.

– Это совпадает со словами сестёр, дежуривших с ним в ту смену, но вот что странно. – он снова делает паузу, почёсывая подбородок. Затем ставит руки на стол, прямо на досье. – Почему-то все записи камер из клиники пропали, и сейчас уже невозможно подтвердить доподлинно, так ли всё было в ту ночь.

Я удивлённо вскидываю брови:

– А я здесь при чём или мой сенсей?

– За дурака меня держишь?

– Нет. Правда не понимаю, какое мы имеем отношение к этой истории. Если бы мы пытались действовать тайно, не пошли бы в клинику, где наверняка нас могли запомнить, а обратились в подпольную и всё скрыли. – я пожимаю плечами.

Он и сам должен это понимать, к чему мне вообще приходится объяснять?

– Только вот никто не помнит лица мужчины, с которым ты пришла. Хочешь сказать, что сенсея в маске демона не смогли бы запомнить? Он так и разгуливал по улицам?

– Да. Сенсей всегда ходил в маске, и в ту ночь тоже.

Пиджак потирает переносицу:

– Госпожа Йона, – он тяжело вздыхает. – Мы проверили все камеры в том районе, и как так могло получиться, что ни на одной вас не наблюдалось?

На этот вопрос у меня есть ответ, и я заранее знаю, что Дерелу он не понравится:

– Я всего лишь маленькая гончая без сверхспособностей. Мне об этом ничего не известно.

– А существовал ли вообще этот твой сенсей? Пока что выглядит так, будто он призрак какой-то.

Ну, тут пиджак уже перегибает, и я спешу не согласиться:

– Квартира была оформлена на сенсея, а также моё опекунство, так что он точно не призрак.

Дерел копошится в досье и достаёт очередные бумажки:

– Вот только исходя из документов, такого человека попросту не существует! Госпожа Йона, тебе никогда не закрадывались в голову мысли, что он далеко не так прост, как кажется?

О! Конечно! И не один раз! Но говорить я об этом с такими эмоциями не буду. Какой же дурак не заподозрит своего покровителя, носящего маску и действующего из тени?

– Меня это не волновало. Я осталась без родителей, родственники от меня отказались, и я просто приняла протянутую руку помощи, не вижу в этом ничего плохого.

Пиджак закипает:

– Спрошу ещё раз, и жду от тебя честного ответа. Где был твой сенсей в ночь убийства твоих одногруппников?

Глава 6. Огненный танец.

Йона, 9 лет.

Прошло уже два года с тех пор, как сенсей взял меня под своё крыло. Как и обещал, он не собирался меня убивать, чего нельзя было сказать о подготовке к услуге, которую я должна была оказать. Я была благодарна, что первый месяц он меня добродушно не трогал, позволяя моему глазу зажить. Кормил, поил, сам занимался перевязками.

Квартира, в которую он меня привёз, была небольшая – всего на одну комнату и имела маленькую кухню. В комнате стояла кровать, стол со стулом и шкаф. По центру на полу расстилался ковёр. Всё было довольно сдержанно, скромно, без излишеств, но мне и не приходилось в чём-то нуждаться. Еда у меня была, вода и кров тоже, а об остальном я предпочитала не думать.

Через несколько дней после заселения, сенсей принёс мне документы об опеке. Я мало что смыслила в бесконечных подписях и соглашениях, так что просто покивала ему головой, и больше мы к этому вопросу не возвращались. Квартиру родителей себе забрали родственники. Мы с сенсеем среди ночи приехали и забрали там часть вещей, которые до сих пор валялись в коробке не разобранные. Я словно оставила свою жизнь позади, и не хотела ворошить прошлое.

Мои бесконечные розовые наряды сменились на чёрные брюки, белую рубашку и жилетку. Своего рода униформа, к которой меня приучал сенсей.

Через месяц он начал заниматься моими тренировками. В первый раз он среди ночи вывез меня куда-то далеко за город, где в лесу был спрятан небольшой домик. Там же на территории этого дома была подготовлена площадка с брусьями и манекенами. Гонял он меня на чём свет стоит, и я взвыла в первый же день:

– Сенсей, я устала, мне тяжело!

Тогда он доставал странную палку, в которой я позже узнала розги и бил меня по ногам:

– Йона! Ты должна стать сильней! Прекрати стонать и возвращайся к тренировке!

Сенсей чётко мне дал понять, что выживу я, только если стану гончей. Даже в свои пять лет я понимала, что такой как я, не пройти отбор, – меня попросту убьют! Но сенсей считал иначе, видя во мне потенциал. Так он и гонял меня до седьмого пота. Днями он всегда отсутствовал, оставляя меня залечивать свои раны, стеная в постели, а потом к ночи вновь возвращался и всё начиналось заново.

Через два года он принёс мне форму и документы:

– Через неделю начинаются твои занятия в академии Аркесиса.

К слову, Аркесис – умный дядька, создавший то самое крутое оружие – MALINA. В честь него названа и столица и наша академия.

Если я думала, что сенсей воплощение зла для моего тела, то академия была злом для моего скудного мозга. Но большим злом оказались дети, с которыми мне пришлось столкнуться. В свои пять я видела мир через розовую призму, но в семь уже поняла, как сильно ошибалась я, и как прав был тот капитан карателей – Морен Стенсом.

В первый же учебный день злые мальчишки сорвали мою повязку с глаза, чтобы посмотреть, что же я так скрываю. Увидев безобразный шрам, они тут же придумали мне прозвище – одноглазая ворона, или просто ворона, – зависело от их настроения поиздеваться надо мной. Если про один глаз всё было понятно, то вороной я стала за свой второй чёрный глаз и такие же как смоль чёрные волосы. Мне хотелось надрать им задницы, но сенсей запретил мне выдавать себя и свои умения:

– Запомни, Йона, никто не должен ничего о тебе знать. Главное твоё оружие – неизвестность. Будь тише воды и ниже травы. Не встревай в драки. Терпи, если кто-то будет обижать или злословить. Ты сильней всех их вместе взятых, но они должны видеть в тебе слабачку, поняла меня?

Я согласно кивала:

– Хорошо, сенсей.

Зря я обещала ему никого не трогать, но страх перед сенсеем был куда сильней, чем перед толпой малолеток, так что я держалась как могла.

Я держалась, когда мою форму пачкали, разливая на неё обед. Держалась, когда мои учебные принадлежности скидывали в мусорку.

– Ворона! Ворона одноглазая! Посмешище страшное, тут тебе и место – в мусорке!

Они постоянно дразнили меня, оскорбляли, обзывали, но я стискивала зубы и терпела.

Терпела, когда в столовой мне выливали суп на голову, терпела, когда повязку с глаз срывали бесчисленное количество раз, и мне приходилось прикрывать шрам рукой, возвращаясь домой. Терпела, когда они подшучивали, как бы невзначай задевая меня своими способностями; будь то ледяной шип, впившийся в спину, поток ветра, сносящий меня с лестницы, или из ниоткуда взявшийся камень, ставящий мне подножки. Они видели во мне слабачку, неспособную дать отпор, и мне не оставалось ничего иного, кроме как терпеть.

Я старательно училась и была в группе первой по успеваемости, несмотря на все тяготы. Пока преподаватели присматривали, я могла избегать насмешек и унижений, но стоило им отвернуться, и начинался ад.

Но больший ад ожидал меня спустя два года, когда мне исполнилось девять. На дворе стояла осень, мы только месяц как начали учёбу, и вот в один из довольно затяжных дней, я поздно возвращалась домой. Мои одногруппники подкараулили меня за углом соседнего от моего дома, и я быстро догадалась, почему они выбрали именно это место. Единственный закоулок в нашем районе, где обзор камер не достаёт и нет ни одного фонаря. Из-за вечной ночи, стоящей над нашим миром, фонари у нас были на каждом углу, в каждой подворотне. А уж про миллионы вывесок и рекламных щитов я и вообще молчу. Но вот же напасть на мою голову, они как-то прознали об этом месте.

Сначала из-за угла показалась Катарина:

– Йона, здравствуй, – начала она нараспев. – Я тут кое-что обронила, не поможешь мне поискать? Мама будет злиться, если узнает, что я в первый же день потеряла свой новый телефон! – Она состроила такое жалостливое лицо, что я не могла не поверить ей.

Шагнув за угол, и оказавшись в кромешной темноте, меня тут же схватили под руки и поволокли к самой дальней стене. Бросив меня с силой на каменные плиты, мои одногруппники предстали во всей красе. Катарина была в обществе своих неизменных друзей-парней – Териона и Ская.

– Что вам от меня нужно? – я понимала, что не так просто меня сюда затащили.

Катарина смерила меня презрительным взглядом:

– Хотели немного повеселиться, разве это плохо?

Я вот с ними не имела никакого желания веселиться. Тем более понятие этого слова абсолютно точно у нас разнилось:

– Мне нужно домой. – я попыталась встать, но Терион пригвоздил меня к земле, используя корни деревьев, выросшие из трещин в земле.

Коренья больно впились в руки, я лишь подняла голову, оценивая по их лицам, на сколько далеко они готовы зайти.

– Рано идти домой, время-то детское! – проворковала Катарина. Она считала себя самой красивой в нашей группе и всегда стремилась быть первой во всём. Жаль только не в самой успеваемости. – Мы тут недавно посещали одно мероприятие, где оборотни танцевали такие прекрасные танцы, загляденье! Правда, мальчики?

Эти два идиота согласно закивали ей. Ещё бы.

– К чему ты клонишь? – буркнула я, желая, как можно скорей закончить этот цирк.

Катарина присела рядом со мной на корточки:

– Нам вдруг стало интересно, а как танцует наша одноглазая ворона? Ты вообще умеешь танцевать?

– Нет, – ответила я резко, одёрнув голову, потому что мелкая засранка пыталась накрутить прядь моих волос на свой палец.

Девчонка хмыкнула:

– Вот как? Какая жалость, – она повернулась, словно собралась уходить, а затем снова обернулась ко мне и процедила: – Но мы всё же посмотрим, как ты танцуешь!

В её сумасшедшую игру включился Скай. Он создал вокруг меня кольцо пламени, и я вскочила на ноги, ободрав кожу из-за корней, которые были повсюду. Терион убрал их, и смерил меня презрительным взглядом:

– Ставлю тысячу сару, что эта ворона не протянет и десяти секунд!

Они делают ставки? Почему? Сердце моё мгновенно заполнилось тревогой, в груди защемило.

– Ставлю две тысячи, что не протянет и пяти! – пропела Катарина, жестикулируя руками. Она вдруг достала из своего рюкзака телефон. Вот же сучка! Ничего она не теряла! Мне бы следовало сразу об этом подумать, какая же я дура!

Пламя вокруг меня сузилось, и я попятилась, но уткнулась в стену:

– Что вы от меня хотите? Что я вам сделала? – я начала паниковать.

Катарина рассмеялась:

– Ты отброс. Чёрное пятно на нашей планете, и следовало бы избавить Обсидиан от «дефектной» вороны! Кто только родил тебя, такое посмешище?! Из какой дрянной вагины ты вылезла? Неужели твоя мамаша не поняла, что ей бы сразу стоило избавить мир от столь никчёмной страшилы?

О, да. Моя мамаша и правда пыталась от меня избавиться, пусть и частично, но им я не позволю об этом узнать.

– А ты разве не слышала слухи? – заговорил Терион, и я напряглась. – Её родителей порубили в фарш, а сама она посмела остаться в живых! Мне родители рассказывали эту историю, ну и жуть! Небось сама и призвала беду на головы своих предков! Да ты только посмотри на этот глаз и волосы! Она же демон!

Мне вдруг стало горько, но не от оскорблений в свой адрес, а потому что все кругом уже узнали мою историю. Я бы хотела скрыть это, но разве возможно скрыть историю одной единственной на весь мир девушки, у которой нет сил?

– Жесть! – подхватил Скай. – Да она же полный отброс! Фу! Не хочу с ней даже рядом стоять, а ведь приходится терпеть эту ворону в одной аудитории!

Катарина смеялась, слушая их, поливающих меня грязью:

– Давайте уже начнём, не возиться же с ней тут до утра! Ну же, ворона, танцуй!

Я вжималась в стену, и не могла сдвинуться ни на шаг.

– Танцуй, ворона! – прокричал Терион.

– Танцуй! – прокричал Скай, сжимая кольцо пламени.

Огонь был так близко, что я уже вовсю чувствовала его жар. Ещё немного и оно доберётся до меня. Одежда начала оплавляться, и я застонала:

– Пожалуйста, отпустите меня!

– Ха-ха, нет-нет, ворона, ты должна станцевать! – снова этот противный голос Катарины. Она держала телефон, направив на меня камеру. – Танцуй! Танцуй!

Я понимала, что оказалась в безвыходной ситуации, но верила, что они только шутят, хотят немного припугнуть. Но когда огонь начал лизать одежду, и она загорелась, я осознала, что никто здесь не шутит. Я начала отряхивать пламя и всхлипывать:

– Пожалуйста, отпустите! Я сделаю что угодно, только отпустите меня!

Мои мольбы не были услышаны, они лишь голосили:

– Танцуй! Танцуй!

Кольцо огня сжало меня в тиски, кожа пылала, я вскрикнула, а после… затанцевала.

Они просили, и я затанцевала, проливая море слёз, пока моя кожа покрывалась волдырями. Мои истязатели смеялись, снимали всё на телефон. Терион даже включил какую-то нелепую музыку.

Я проклинала само своё существование, пока крутилась на месте. Проклинала жизнь, пока простирала к небу руки, изображая мелодичные волны. Проклинала алый куб, ставший приговором для меня, живущей без сил, пока пыталась крутить бёдрами, волоча за собой ногу.

Когда они поняли, что сил у меня не осталось и я уже готова свалиться и умереть, то прекратили издевательства:

– Тьфу, какая ворона такой и танец, пошли отсюда, мальчики, мы увидели достаточно. – Катарина фыркнула и развернувшись, под руки с ними ушла, оставив меня одну в темноте.

Я упала, не в силах подняться. Ожог пылал, нога была одним сплошным больным местом. Штанина брюк сгорела и вплавилась в кожу, волдырящуюся шрамами. Не знаю, сколько я так пролежала, но, когда смогла приползти домой, стояла уже глубокая ночь. Большего унижения я себе и представить не могла. Кое-как доволокла себя до квартиры, вползла в дверь и так и осталась лежать на придверном коврике.

Я совсем потеряла счёт времени, меня лихорадило, урывками я возвращалась в сознание и снова теряла его:

– Хочу убить их, хочу убить их всех… – стенала я, не в силах преодолеть обиду.

Через какое-то время появился сенсей. Он нашёл меня в том же положении, в каком я ввалилась домой. По его голосу я сразу поняла – он испугался:

– Чёрт! Йона! Йона! Ты меня слышишь?! – он начал трясти меня за голову, повернув к себе. От боли и шока я даже пискнуть не успела, сразу потеряла сознание.

Пришла в себя я уже в клинике. Какой-то медбрат обрабатывал мои ожоги. Вся моя нога от щиколотки до верхней части бедра была покрыта специальным заживляющим гелем. Тонна обезболивающего позволяла мне забыться сном и не просыпаться ещё несколько дней. Когда я пришла в себя, сенсей сидел рядом с моей кроватью:

– Йона, как ты себя чувствуешь? – он аккуратно погладил моё лицо, и я улыбнулась.

– Жить буду, – я хрипло закашлялась и сенсей поспешил дать мне воды. Я сделала пару глотков и снова повалилась на кровать. Тело у меня было замотано бинтами.

– Йона, ты не должна терпеть, когда такое происходит! Почему ты не защищалась?!

Я не знала, что ему ответить, ведь он сам просил меня не показывать свою силу, а теперь же говорит, что нужно было разобраться?

– Всё хорошо, сенсей, я поправлюсь, – сказала я, а после провалилась в сон.

Проснувшись на следующий день, не в силах свободно передвигаться и что-то делать, я включила телевизор, подключённый к сети. Все каналы пестрели заголовками: «Найдены новые жертвы! Трое детей из академии Аркесиса стали жертвами убийцы!»

Я глазам своим не поверила, когда увидела фотографии, на которых были мои обидчики. Спустя некоторое время я узнала, как именно с ними разобрались. По телу мгновенно прошёлся холодок, волосы на затылке встали дыбом, я даже забыла, как дышать. Снова. Это повторилось снова.

Я ждала сенсея весь день, но он по обыкновению вернулся только глубокой ночью и сразу принялся менять мне бинты:

– Я всё уладил. Сейчас ты на больничном, потому что во время тренировки случайно получила ожог, поняла меня?

Он вкратце рассказал мне легенду, которую я должна была запомнить.

– Но сенсей, что именно вы уладили?

На этот вопрос он мне ничего не ответил и молча ушёл. Как только моя нога зажила, и я смогла вернуться к занятиям, в академии вдруг наступило небольшое затишье.

Глава 7. Мысли в темноте.

Йона.

– Дома. Со мной. – чётко проговариваю слова, давая понять, что другого ответа от меня пиджак не получит.

Дерел выражает нетерпение:

– Госпожа Йона, ты же понимаешь, что если это ложь, то мы всё равно докопаемся до правды? Ты уже, и сама должна была понять, что у нас на тебя есть много всего интересного.

Мне хочется плюнуть ему в рожу, потому что я знаю, что всё, что у них на меня есть – пустышка, хотя и вызывающая подозрения. Я поняла это сразу, как только в этом деле не прозвучало ни слова о записи. Видео, которое записала Катарина, должно было остаться где-то в архивах. Всё, что попадает в сеть, там и остаётся. Но раз видео нет, значит сенсей не оставил ни следа, как и обещал, – он всегда заботился обо мне.

– Понимаю, но мне нет смысла врать. Если вы подозреваете в убийствах моего сенсея, то у вас должны быть для этого веские основания. – мне сложно представить, чтобы пиджак знал нечто такое, чего бы не знала я сама. А полагаться лишь на совпадения, пустая трата времени.

Пиджак переворачивает страницу, внимательно разглядывает, бегло снуя своими глазёнками. Я уже была готова к тому, что он снова покажет мне нечто занимательное, но после раздумий он вдруг выдал:

– Продолжим завтра, и будь уверена, тебе не понравится то, что у нас на тебя есть. – с этими словами он поднялся со стула и покинул комнату, не дав мне и рта раскрыть.

Но я всё же прокричала:

– Эй! Вы что, так и оставите меня здесь?! – перспектива просидеть на стуле неизвестно сколько, да ещё и скованной по рукам и ногам, с поломанными рёбрами и гудящей башкой от раны, не сильно воодушевляет. Если Дерел хотел, чтобы я сотрудничала и была более сговорчива, то ему требовалось проявить чуть больше внимания к пленнице.

Тут дверь снова открылась и вошла дамочка с такой кислой миной, что на секунду мне её стало жаль. Не свезло ей возиться со мной. Она принялась ковыряться в наручниках, и я услышала заветный щелчок. Освобождать меня даже не думали, только перековали руки спереди, но даже за такую малость я была благодарна. Дамочка вновь ушла, вернулась с тем самым жестяным ведром, оставила его в углу и ушла. Я озиралась по сторонам, не зная, ждать ли ещё гостей, но ответом мне стал выключенный свет. Грёбаные десять ламп наконец-то погасли!

Некоторое время я ещё просидела на стуле, уткнувшись руками в стол, а потом решила попытать счастья.

Поднялась со стула, отодвинула его в сторону и попыталась наощупь примериться, чтобы лечь. Цепи крепко удерживали меня на одном месте, так что расположиться было очень сложно. Рёбра в моём теле ломило так, что я при каждом движении видела искры. Кое-как уселась на пол, а затем легла. В помещении было так темно, что казалось, тьму эту можно потрогать. А самое весёлое, что эти мудаки по ту сторону прекрасно видят, как я корчусь тут от боли. Суки, не дождётесь вы от меня зрелища!

Стоило мне выпрямиться на полу, как я почувствовала облегчение, разлившееся по телу. Дурацкий ошейник давил на шею, руки изнывали, в груди цвёл лотос, но всё же… как хорошо…

Я попыталась вдохнуть как можно глубже, при этом не позволив рёбрам шевелиться. Провести ночь на жёстком полу не самая худшая для меня перспектива. Когда-то были дни похуже, и я неоднократно ночевала на улицах Кан-Аректсиса, забившись в угол подворотни, кишащей крысами.

Не сомневаюсь, что завтра пиджак будет расспрашивать как раз об одном из таких дней. Раз уж они начали копать под меня и группу, то тот эпизод непременно должен всплыть. Я зажмуриваюсь, пытаясь отбросить воспоминания. Нужно сосредоточиться на чём-то другом.

В помещении не слышно ни звука, из-за дверей не доносится ни шороха, и не видно даже самой малой полоски света. Значит, они все ушли? Вот так просто? Оставили меня одну, уверенные в том, что я не сбегу? От части, они правы, сбежать и правда тяжело, но не невозможно.

Меня удерживает здесь только Кайден. Без него я не смогу осуществить задуманное, так что ради этого лощённого хера мне придётся ещё немного потерпеть. Ещё чуть-чуть.

Интересно, его сейчас держат где-то в соседней комнате? Кто они такие, что посмели напасть на него? В мире есть лишь несколько семей, которые стоят на самой верхушке; семья Дорейн, обладающие золотыми глазами, семья Аректсис, держащие под собой всех карателей и систему в целом, а так же третья семья – Элиас, – потомки нашего оракула, правящие уже несколько поколений. Вся власть находится в руках детей Элии.

Дорейн подчиняются семье Элиас напрямую, если бы те что-то задумали, красть Кайдена бы точно не стали. Аректсисы? Но зачем? Да и сунь они свой нос, Элиас снесли бы их в одночасье, лишив всех прав и полномочий. Значит, вмешалась ещё одна сторона, у которой к тому же в союзниках Красный Альянс. Предполагаю, что несколько группировок могли объединиться, чтобы провернуть похищение. Опять же, зачем? Что они могут поиметь с Кайдена, а тем более с меня? Всем известно, что семья Дорейн – целители. Более того, они занимаются лечением только Элии, и не имеют права исцелять никого другого. Это их договор, существующий уже столетиями. Вероятно, отец Кайдена уже засёк его пропажу, а если так, то вся страна должна стоять на ушах.

Ах, плакали мои денежки, мои сару… сколько же мне придётся заплатить штрафов? А придётся ли вообще? Вероятно, что меня пинком отправят восвояси, как только мы сможем отсюда выбраться. И пойду я вместе со своими скромными пожитками снова побираться по улицам. А моя MALINA? Где моё оружие? Наверняка верзилы его покрошили. На новое у меня не хватит никаких денег, да их попросту у меня даже нет в таком количестве! Мать моя сатана, отец чёрт сутулый, о чём я только думаю?! Какие деньги, Йона!?

Обещание сенсею, я должна его выполнить. Услуга, о которой он меня попросил. Нужно сосредоточиться на ней.

Если бы не Кайден… я бы уже давно отсюда выбралась, но нет же, этот хер увязался со мной и теперь я связана по рукам и ногам! Вот же урод смазливый! Лощённый клин в моей заднице! Вот выберемся, и я от души ему наваляю. Конечно, бить мне его нельзя, но, если никто не узнает… Чёрт, о чём я опять думаю! Надо собраться с мыслями, и желательно поспать.

Если завтра пиджак планирует снова меня допрашивать, следует хорошенько покопаться в недрах своей памяти, чтобы освежить все воспоминания. Как же мне не хочется этого делать! Что вообще хорошего я могу вспомнить?

Тренировки с сенсеем, проклятая академия и год моего семнадцатилетия, год, который я провела на улицах в поисках крыши над головой и пропитания. По телу мгновенно бегут мурашки, все волоски встают дыбом. У меня было столько шансов сдохнуть, и я, конечно же, не упустила не одного.

Глава 8. Подарок.

Йона.

Как только я закончила своё обучение в академии Аркесиса, мой сенсей сделал мне подарок.

Я неслась домой, радуясь, что этот кошмар наконец-то закончился. Засунула никому не нужную медаль в тумбу и готова была позабыть о ней навсегда. Накрыв праздничный стол, я принялась ждать своего сенсея, который по обыкновению должен был нагрянуть к ночи.

Только став взрослой я смогла оценить сенсея как мужчину, а не как своего покровителя. Пусть я никогда не видела его лица, но могла примерно представить, что скрывается под маской. Сенсей был высокого роста, примерно метр девяносто восемь. Под водолазкой пряталось накаченное тело, которое мне удалось увидеть лишь раз обнажённым. В тот день я заставила его запотеть так, что пришла его очередь взмолиться о прекращении тренировки. Сам виноват, что вырастил меня такой. Когда он снял свою водолазку, я чуть на землю задницей не плюхнулась. Челюсть у меня отвисла примерно до пояса, а слюна предательски потекла изо рта. Конечно, я немного преувеличиваю, но примерно так оно и было.

Среди моих одногруппников были парни с хорошим телосложением, но они были юны, и в целом не вызывали во мне трепета, чего нельзя было сказать про сенсея. Я не знаю его точный возраст, но предположу, что ему около сорока. Да чтоб я сдохла так выглядеть в его возрасте! В общем-то сенсей своим телосложением повысил мою и без того высокую планку на мужской пол. Хотя, если честно, мне было плевать на парней. Девчонки в группе постоянно шушукались, обсуждая кто с кем целовался и переспал. Я никогда не принимала участия в подобных сплетнях, в целом, я и вообще никогда ни с кем не общалась. После пары случаев обо мне предпочли не шептаться, и оставили меня в покое, так что последний год обучения я жила как-никогда спокойно.

В дверях щёлкнул замок и показалась фигура сенсея с букетом цветов. Я не видела лица, но знала, что под маской демона он сейчас улыбается:

– Йона, мои поздравления! – он суёт мне в руки букет из моих любимых османтусов и лилий – гремучая приторная смесь для моего искушённого обоняния. Сам он водит носом от аромата, и я невольно улыбаюсь.

– Спасибо, сенсей! – я принимаю цветы и ставлю их в вазу, которую извлекаю из недр шкафчика в каждый праздник – именно по праздникам я получаю цветы от своего спасителя.

Он ведёт себя довольно странно, и я окидываю его настороженным взглядом:

– Что-то случилось?

Сенсей переминается с ноги на ногу:

– Йона, у меня для тебя кое-что есть, спускайся, я буду ждать тебя на улице. – он разворачивается и покидает квартиру.

Мне ничего не остаётся, кроме как переодеться в брюки и рубашку, и выйти вслед за ним. Когда я спускаюсь, у лестницы, ведущей к парадному входу, красуется чёрная зверюга. Я замираю столбом, не в силах поверить, что мой глаз меня не обманывает. На зверюге нелепо

нацеплен фиолетовый огромный бант, а к нему ещё в дополнение идёт коробка, украшенная такой же фиолетовой лентой. Я спешу спуститься:

– Сенсей? Это мне? – я нервно озираюсь по сторонам, но в такое время на улицах никого не бывает. По крайней мере именно в этом районе, на этой улице, и конкретно у нашего многоэтажного здания. Мне вообще порой кажется, что я тут живу одна, но это же невозможно, правда?

Сенсей стоит рядом с мотоциклом, скрестив на груди руки, и опирается на него в такой расслабленной позе, что я жалею, что у меня нет телефона и я не могу запечатлеть его образ на фотографии. Он кивает мне:

– Да. Это твой подарок.

Я начинаю прыгать на месте, не сумев удержать радость в узде. Обычно, за такое проявление чувств, сенсей ругал меня, но сегодня позволяет мне вольности.

– Но это же такой дорогой подарок! Я мечтала о нём, но сенсей, я правда могу взять его? – я подхожу к мотоциклу, прикасаюсь к нему кончиками пальцев и по телу бегут мурашки. Мне не терпится оседлать его и разогнаться, промчавшись по ночным улицам Кан-Аректсиса.

Сенсей усмехается:

– Правда, ты заслужила, Йона. – он берёт коробку и протягивает мне. – А это ещё один подарок, который поможет тебе выжить.

Я напрягаюсь. «Выжить?» Что задумал сенсей? Неужели пришло время, и он решил меня оставить одну? Но ведь до отбора ещё целый год. Руки предательски трясутся, когда я тянусь к коробке. Она довольно увесистая, интересно, что там такое? Откидываю крышку и замираю во второй раз; передо мной красуется новейшая модель оружия MALINA R115, и я сомневаюсь, что она есть даже у карателей. Откуда у моего сенсея столько денег на такие роскошные подарки? Конечно, я не первый раз задумывалась об этом, ведь он содержал меня почти тринадцать лет. Оплачивал еду, одежду, квартиру, учёбу. К слову, когда я узнала, сколько стоит обучение в Аректсисе, то лишилась дара речи на добрую минуту. У сенсея было несколько автомобилей, которые он часто менял, был и мотоцикл, а также загородный домик, где мы проводили тренировки. Всё было довольно скрытно и явно в это вкладывались большие деньги. И вот он запросто дарит мне мотоцикл, да ещё и оружие новой модели. Я понимаю, что это прощальный подарок:

– Сенсей, – я поднимаю на него полный грусти взгляд. – Вы уходите?

Я слышу, как он улыбается:

– Да. Пришла пора тебе начать свою жизнь без меня. Ты хорошо обучена, умна, талантлива, теперь ты сможешь выжить в одиночку. Я оставил тебе все самые необходимые контакты в папке, она лежит на твоём столе. Там также есть карточка с достаточным количеством сару, чтобы какое-то время ты ни в чём не нуждалась. Страховку следует пополнять каждый месяц, ты помнишь об этом? – я согласно киваю ему, не в силах что-либо сказать. – Через неделю срок аренды истекает, так что тебе нужно будет подыскать себе новое жильё.

Тут мой глаз готов уже полезть на лоб, потому что я с ужасом осознаю, что я слишком мала и никчёмна, чтобы решать такие глобальные вопросы. Сенсей видит моё замешательство и протягивает руку, нежно прикасаясь к моей щеке:

– Йона, ты справишься, я в тебя верю. – сердце у меня сжимается при мысли, что мы больше не увидимся.

Я спрашиваю:

– Это наша последняя встреча? – он ведь даже не сказал мне, какую услугу я должна ему оказать.

Словно читая мои мысли, он отвечает:

– Я приду к тебе через год, за день до отбора, и скажу, чем ты должна заплатить за все эти годы. – его голос вдруг сорвался. Неужели ему грустно? Сенсей и правда переживает, что мы расстаёмся? – Йона, не забывай носить маску, помнишь?

Я киваю ему. Речь идёт о боях, где я должна скрывать свою личность:

– Да, сенсей.

Он берёт меня за плечи и в его голосе слышатся игривые нотки:

– А теперь не желаешь прокатиться?

При мысли об этом у меня аж поджилки затряслись:

– А вы со мной прокатитесь?

Сенсей смеётся:

– Ха-ха, хочешь, чтобы я поседел? – не хотелось бы видеть его чёрную шевелюру посеревшей.

Он обучал меня вождению с того возраста, как только ноги мои начали доставать до педалей. Я обучилась езде и на его машинах, и на мотоциклах. Вот уж не ожидала, что он струсит:

– Боитесь? – говорю я с вызовом.

Сенсей с минуту раздумывает, почёсывая голову, и я знаю, что его заботит вовсе не моя лихая езда. Он просчитывает, сколько ему нужно будет потратить, чтобы скрыть все следы с камер видеонаблюдения, а ещё с дронов, которые снуют повсюду в городе. Моё предложение встанет ему в очень крупную сумму денег.

– Хорошо, – соглашается он, и я готова запищать от радости. – Только сначала отнеси оружие домой, я подожду тебя здесь.

– Ура!

Мы вместе снимаем бант с мотоцикла, и я несусь домой, чтобы оставить там коробку с подарком.

Когда спускаюсь, сенсей всё ещё ждёт меня, протягивая шлем. Всё это время он висел на ручке, и я даже не сразу его заметила. Надеваю эту прелесть с кошачьими ушками, перекидываю ногу, и жду, пока сенсей займёт место позади меня. Кто-то мог бы найти в этот моменте что-то интимное, но попрошу придержать свои грязные мыслишки при себе. Как бы тесно мы не находились с моим сенсеем, ни одна клеточка в моём теле не отзывалась.

Завожу мотоцикл, и вот именно в этот момент моё тело трепещет. Звук мотора заставляет моё сердце биться быстрей. Сенсей прижимается к моей спине, хватая меня за талию. Трусишка. Такой большой серьёзный дядька и боится со мной ездить, но я могу его понять. Что ж, сам меня такой вырастил.

– Ты ведь будешь вести аккуратно, да? – спрашивает сенсей.

Мы срываемся с места, и я громко визжу от радости, но мой голос приглушает шлем. Сенсей сильней впивается в моё тело, и я чувствую его страх. Я хлопаю его своей рукой, и он сжимает талию пуще прежнего, потому что какой дурак будет спокоен, когда на скорости в двести восемьдесят, его водитель управляет транспортом одной рукой?! Страху ему добавляет ещё и один мой зрячий глаз. Я смеюсь:

– Сегодня я не умру, сенсей, а значит и вы тоже, – сомневаюсь, что он мог услышать мой крик, но чувствую, как пальцы его ослабляют хватку.

Мы мчимся по пустынным улицам Кан-Аркесиса, собирая восторженные взгляды редких прохожих. Вероятно, они уже провожают нас в последний путь. Адреналин в крови бушует, и я отдаюсь этому чувству всецело. Свобода. Такой кроткий миг, когда я могу по-настоящему почувствовать себя свободной. Сенсей уходит, оставляя меня одну, и я не знаю, как мне примириться с тем фактом, что я остаюсь на милость судьбы совершенно без присмотра. Никто больше за меня не решит никакие проблемы, никто не уладит конфликты – я сама должна суметь за себя постоять. Я улыбаюсь, проскальзывая в поворот, огибая бесчисленные высотки

нашего города. Из-за скорости всё сливается в сплошную яркую полосу. На горизонте маячит алый куб, ставший нашим солнцем, луной и звёздами. Пока он был скрыт за зданиями, я о нём не думала, но вот мы выехали на трассу, и куб предстал во всей красе. Трёхмерная чудовищная хрень, ставшая палачом моей жизни. Хотелось бы мне навсегда убрать его с нашего небосвода, но мир изменился. Люди не хотят оставаться без своих сил. Им стало плевать, что сраный куб определяет их жизнь. Как всегда, бедные – плачут, – богатые становятся только богаче. Ни черта не меняется. Повезло тебе родиться оборотнем, и ты будешь жить, купаясь в лучах славы. Родишься падшим ангелом и тогда… не хочу даже об этом думать.

А если родиться такой как я. Что ж, всякое дерьмо случается в жизни, правда хотелось бы мне, чтобы это дерьмо касалось не только меня, но хотя бы ещё парочки людей в мире. Неужели так сложно было родить ещё чуть-чуть «бракованных»?

Мы заканчиваем круг и возвращаемся к дому. Сенсей спрыгивает с сиденья быстрей, чем я успеваю заглушить двигатель:

– Йона, ты явно не желала, чтобы я уходил живым! – пылко говорит он, но я слышу, что сенсей улыбается.

Я снимаю шлем:

– Вам ведь понравилось.

Он переводит дух, и ждёт, пока я слезу. Как только я встаю на ноги, сенсей тут же сгребает меня в медвежьи объятия. От езды его одежда впитала мой аромат, и теперь он пахнет османтусом. Мне приятно находиться в его объятиях. Это первое тепло, которое я получила за все двенадцать лет.

– Мне пора, Йона. Не забывай носить маску, все документы у тебя на столе, я уже говорил да? – я улыбаюсь, потому что сенсей повторяется. Он нервничает. – Спасибо за такой резвый прокат, пожалуй, я отправлю все свои мотоциклы на свалку.

Мне хочется возразить, но я и так знаю, что он шутит. Просто сенсей не любит доверять свою жизнь кому-то, кроме себя, что довольно странно, учитывая его расположение в мой адрес.

– Я буду ждать встречи, сенсей, обещаю, я не подведу. – бурчу ему, всё ещё прижавшись к его сильной груди.

Он по-доброму треплет мои волосы. Сенсей единственный, кому я позволяю их касаться, как и целом всего своего тела.

– Живи так, будто меня никогда не было рядом, так тебе будет проще. Не ищи опоры, стань ею сама для себя. – он размыкает объятия и отходит от меня на несколько шагов.

Мне кажется, что ему хочется снять свою маску и показаться мне, но он этого не делает. Я лишь вздыхаю:

– Спасибо вам за всё. – улыбаюсь ему самой яркой и искренней улыбкой.

На этом наше прощание заканчивается и сенсей скрывается в тени так быстро, что я не успеваю отследить, куда он испарился. Полагаю, он снова использовал тот трюк. Паркую мотоцикл и возвращаюсь домой. В комнате на столе, как и говорил сенсей, лежит папка с документами и банковской картой. Пока мне не исполнится восемнадцать, придётся таскать этот пластик с собой, а потом его заменят часы. Среди документов есть адреса арен, где нелегально выступают гончие и все желающие, готовые биться не на жизнь, а на смерть. Ещё есть адрес клиники, в которой я была уже неоднократно. Конечно, она подпольная и любое моё появление в ней не оставит следов. Мастерская, где я смогу обслуживать мотоцикл, а также оружие. На листе стоит пометка, какими словами я должна привлечь нужного мне человека. Несколько номеров доверенных лиц, к которым я могу обратиться по части жилья и прочих важных документов. Сенсей сказал, что я должна сама научиться жить дальше, но всё же позаботился обо мне куда больше, чем я того заслуживала. На столе лежит моя маска вороны, которую я надеваю во время боёв на арене.

Если через неделю я останусь без крыши над головой, то стоит заработать побольше сару, а это означает, что пора прогуляться в «Пески Скорпиона».

Глава 9. Ворона без амбиций.

Йона.

«Пески Скорпиона» – арена на востоке столицы, спрятанная в тени высоток с неприметной табличкой «Мебельный». Правда от мебели там только переломанные трибуны и стены. Я паркуюсь в подземном гараже соседнего здания, надеваю вместо шлема маску на лицо, предварительно спрятав повязку с глаза в карман. Достаю из-за спины оружие:

– MALINA, третий режим, – обращаюсь к чудо-игрушке, которая сейчас выглядит как обычная лазерная пушка.

«Запрос на смену режима принят. Подтвердите свою личность.» – раздаётся в моей голове механический голос.

Я прикладываю палец к небольшому стёклышку, он считывает мой отпечаток:

«Ваша личность подтверждена. Приступаю к смене режима. Третий режим – меч.»

Пушка поднимается из моих рук в воздух и начинает видоизменяться. Спустя несколько мгновений передо мной красуется меч с острым фиолетовым лезвием. Чёрная рукоять отмечена стёклышком для отпечатка. Вокруг него сверкает рисунок волн, светящихся таким же фиолетовым оттенком. Лезвие на мече не обычное – оно сияет сгустком энергии, которая обычно преобразуется в пушке и бахает лазерными пулями. Аркексис воистину гений, раз разработал такую чудесную игрушку! Не подпускать детей! Опасно!

Пристраиваю меч за спиной. MALINA не может использовать никто, кроме непосредственного хозяина. Моя ДНК уже впечатана в систему, так что, если какой-то чужак решит позабавиться, в его руках оружие станет бесполезной болванкой. К спине у меня закреплён специальный магнитный диск, который позволяет оружию держаться без дополнительного крепления.

Приготовления завершены, и я могу отправиться на арену. Десятки верзил следят за местностью, не пропуская чужаков. Таких как я тут полно. Вижу примерно с десяток гончих, идущих со мной в одну ногу в направлении фальшивой вывески. Некоторых я вижу впервые, кого-то запомнила по прошлым боям. Меня здесь тоже знают. Отличительной моей чертой является один факт, – я никогда не побеждаю в финале, так что смешки за спиной довольно частое явление. Они никак не могут понять, почему я выигрываю несколько поединков, а потом вдруг начинаю проигрывать каждому новому противнику. За это меня в шутку называют: «Ворона без амбиций».

Сердце замирает, когда я иду вдоль коридоров. Издалека уже слышится рёв зрителей, которые пришли сюда за кровавым зрелищем. Мне было десять, когда сенсей привёл меня сюда в первый раз. Сначала я только смотрела, а через год уже и сама начала принимать участие в поединках.

Сейчас же мне становится немного не по себе. Я чувствую тоску из-за отсутствия сенсея. Смогу ли я справиться без его поддержки? Тут же одёргиваю себя за хандру. Конечно справлюсь! Выбора у меня всё равно нет. В моём случае самый быстрый заработок – это бои, или затесаться в ряды падших ангелов, но первый вариант мне ближе.

Останавливаюсь перед списками, сверкающими на ярком голубом табло. Сегодня будет поединок, который я обычно называю: «сдохни или умри». Тридцать бойцов загоняют на арену, и они должны сражаться друг с другом. Трое, стоящих на ногах, проходят в финал и борются за первое, второе и третье место. Сумма выигрыша, конечно же, разительно отличается, но я и не собираюсь побеждать. Мне нужно моё скромное третье место, за которое я смогу получить

десять тысяч сару. Небольшая сумма, но её хватит, чтобы покрыть страховку. Чтобы заработать на квартиру, мне нужно… дайте-ка подумать. Возьмём за основу мой возраст, округлим до двадцати, помножим на два и припишем много нулей. В общем, квартирка обойдётся мне минимум в четыре миллиона сару, а за бой я получаю от десяти до тридцати тысяч, вот и считаем, что за год мне нужно примерно сто пятьдесят боёв, а если учесть страховку, на которую будет уходить часть денег, то и вообще все двести.

Я устало вздыхаю. Отдохнуть у меня не получится. Денег, что оставил мне сенсей хватит примерно на три месяца, значит за это время я успею скопить кругленькую сумму.

Оставляю заявку, вписывая себя как «Ворона», и продвигаюсь к арене. Несколько участников сейчас разогревают публику. Вижу, что сражается оборотень-волк и стихиец с силой воды. Для меня это всё давно перестало быть интересным. Есть те, кому нравится смотреть за зрелищем, а есть такие как я, – кто любит принимать в нём участие. Рядом со мной пристраивается участник, которого я меньше всего хотела бы сейчас видеть:

– Привет, Ворона, готова проиграть?

Я поворачиваю голову в сторону Габриэля. Юнец старше меня на четыре года, у него короткая стрижка, немного глуповатое выражение лица и янтарные глаза. Габи – оборотень-пантера.

– Кому угодно, но не тебе, – фыркаю и отворачиваюсь, но, когда моё нежелание разговаривать его останавливало?

– Ты как всегда немногословна, – протягивает Габи.

– А ты, как всегда, много треплешь, – огрызаюсь, не глядя на его физиономию. Ставлю свою задницу на то, что он сейчас улыбается своей противной улыбкой. Бросаю кроткий взгляд, и правда – лыбится. Аж тошно становится от его присутствия.

– Видел, ты снова подала заявку на групповое состязание, – он толкает меня под ребро, пытаясь привлечь внимание. – почему? Раньше ты всегда предпочитала биться один на один. Или так понравилось наше дуо?

Не могу же я сказать ему, что нуждаюсь в деньгах:

– Решила разнообразить свою половую жизнь. – я, конечно, имею ввиду свои покатушки с побитым телом по полу арены, но не сложно догадаться, какие мысли бродят в голове этой глупой пантеры.

Он вновь улыбается:

– Так пригласи меня, я могу помочь тебе в этом деле.

В следующее мгновение он жалеет о своих словах, когда остриё меча опасно вибрирует силой рядом с его горлом. Он оказывается впечатанным в борт арены:

– Габи, уйди, пока я добра к твоей шкуре, – цежу я сквозь зубы. Под моей маской он может увидеть только низ лица, так что я улыбаюсь. – Иначе одна из твоих шлюх сегодня останется без согретой постели. – убираю меч, и он отступает, не говоря мне ни слова, лишь поводив челюстью.

У нас с Габриэлем всегда были такие взаимоотношения. Ему было интересно завести в своём гареме новую девушку, а мне было неплохо позлословить. Так что он подкалывал меня, а я огрызалась, тренируясь в колких фразочках, и очень надеюсь, что смогла преуспеть, ведь на арене оружием становился даже язык.

В это время трибуны взорвались криками и свистом. Я заглянула за борт арены; стихиец победил оборотня, что было совсем не удивительно. Даже не разбираясь, могу сказать, что стихиец жульничал, ведь во время поединка нельзя использовать свои сверхсилы. Когда вы подписываете соглашение, там вполне ясно написано, что на арене доступно только холодное оружие. Никаких пушек и сверхсил, чтобы хоть немного уровнять противников и сделать бои более зрелищными. Есть и такие поединки, где оборотни сражаются против оборотней, а стихийцы против стихийцев, и дальше по списку. Безусловно, я туда даже носа не показываю, но

пару раз наблюдала за дракой. Эпично и красиво, но на этом всё. Использовать сверхсилы, всё равно что пользоваться читами в играх.

Сегодня в списках было много гончих. Интересно, их наниматели знают, чем они тут промышляют? Или же сами позволяют им сражаться, пока сидят на трибунах? Вообще-то это довольно распространено, но среди гончих есть свои турниры, которые проводятся раз в году, где любой желающий может выставить свою игрушку в качестве кандидата. Важно понимать, что деньги там крутятся совсем иные. Этим подпольным аренам даже не снились призовые фонды, доступные на официальном турнире. А всё потому, что там собираются важные шишки, сорящие деньгами. Плюс ко всему идёт трансляция, и все жители на планете в этот момент сидят как зомби перед своими теликами и часами. Ставки там крышесносные. Некоторые счастливчики выигрывают миллионы, особенно если какая-то тёмная лошадка становится дебютантом-победителем. Мне же предстоит через год принять участие в отборе гончих. Это в разы скромней и без камер. Собирается комиссия, участники и наниматель, который пришёл выбрать себе гончую, чтобы заключить контракт. Я не проходила обучения для гончих, но уже знаю, что моё имя внесено в списки. Как? Кто ж его знает? Сенсей творит чудеса, а я не лезу. Ну вот, опять я возвращаюсь к нему мыслями. Пора бы настраиваться на бой, тем более что на арену уже запускают бойцов.

Я снимаю куртку, возвращаю меч на место и иду в одном ряду с отборными убийцами. Я, вероятно не упомянула, что в финал выходят выжившие, которые могут стоять на ногах? Ах, какое упущение. В общем-то, не зря я называю эту бойню не иначе как «сдохни или умри». Но, как уже можно было понять, я точно знаю, – сегодня я не умру.

Трибуны начинают орать, я же в это время пользуюсь свободными минутами и осматриваю тех, с кем мне предстоит биться. Здесь порядка десяти оборотней, несколько металлокинетиков, стихийцы, – и почти все они являются гончими. Тц.

Нам платят слишком мало за то, что люди тут мрут как мухи. Зато родственники погибших получают круглую сумму, потому что каждый подписавший договор, после смерти отдаёт свои органы, за что и имеет сару, которые отчисляются их семьям. Не самое лучшее, что можно было придумать. Попиваешь ты спокойно чаёк, и тут вдруг на часы приходит уведомление: «Ваш сын погиб.» Дзынь! Второе уведомление: «На ваш счёт поступило двадцать тысяч сару!». Ну, в случае моей смерти, никто ничего не получит, но я и не собираюсь умирать.

Все участники расходятся по арене, образуя кольцо, и я вместе с ними. На табло идёт отсчёт, показывая, что до начала осталась минута. Бойцы меряют друг друга взглядом, выцеливая самых слабых. Стоит ли говорить, что самой слабой всегда выгляжу я? Хотя тут есть и другие участницы в лице девушек, но видимо моя тощая задница выглядит слишком лёгкой мишенью. К счастью для меня, так думают только те, кто пока со мной не бился. Старички, уверенные в своих силах и знающие меня, уже выбрали других жертв. Я вижу, как минимум трёх болванов, которые пускают на меня слюни, оскаливаясь едва ли не в диком припадке.

Осталось тридцать секунд.

Я достаю из-за спины меч, лезвие опасно вибрирует, заставляя меня испытывать трепет. Вот и первый бой, в котором я могу опробовать смертоносную игрушку. Мысленно благодарю сенсея за его щедрость. Даже знать не хочу, как он откопал эту модель, и сколько ему пришлось за неё заплатить. Среди других бойцов так же наблюдаются пушки моего типа, но оно не удивительно – их получает каждая гончая, – почти каждая. Если быть точней, то MALINA покупают тем, кто победил в турнире или прошёл отбор. Обычные рядовые гончие без нанимателя, носят простые стволы да кинжалы, тут уж кому что больше нравится.

Десять секунд.

Всё это время ведущий что-то галдит, пытаясь разогреть зрителей, но для меня весь гомон слился в один бесконечный поток неразборчивых слов.

«Йона, представь, что ты опавший лист, который кружится на ветру. Будь как этот лист, стань им. Лети и разрезай на своём пути всё, танцуя и кружась – бесшумно, молниеносно, словно для тебя нет никаких преград.» – сейчас мне вспомнились именно эти слова сенсея.

Пять секунд.

От напряжения в воздухе кровь стынет в жилах. Я чувствую жажду смерти, исходящую от этих убийц. Мои противники – отбитые на всю голову психопаты. Но я не такая, нет. Конечно нет.

Три секунды.

Трибуны замирают.

Две секунды.

Бойцы готовятся сорваться с места.

Одна секунда.

Зрители начинают верещать, звучит гонг и начинается месиво. Я не двигаюсь с места, видя, как в мою сторону несутся сразу три смертника. Пока они сломя голову бегут, не видя перед собой никого, кроме меня, Габриэль сносит одному из них голову:

– С тебя должок, Ворона! – он ещё успевает улыбки свои раздавать направо и налево?

Два других противника быстро поняли, что лучше не оставлять свою спину без присмотра, и с бега перешли на шаг. У одного из них в руках меч, у второго дубина, напичканная острыми шипами. Я встаю в стойку, заводя меч, готовлюсь отразить первую атаку, но мне не приходится этого делать, потому что один из бойцов внезапно оступается. Я мгновенно ринулась к нему, вонзая меч в грудь.

Из его рта полилась кровь, он закашлял, а потом издал последний вздох. Я вытащила оружие и смерила взглядом второго противника, опешившего с моей быстрой атаки. С ним будет просто разобраться, и мне нужно действовать, пока на арене много живых. В большом скоплении людей я менее приметна. Противник – юноша лет девятнадцати. Он держит в руках дубинку, и судя по его манере держаться, вылез он из клоаки какой-то группировки, но тату не видно, отличительных знаков на одежде тоже, так что только черти знают, откуда он появился. Парень щерится и едва не брызгает ядом, приближаясь ко мне. Я отражаю его удар и тут же рассекаю ему спину своим мечом. Противник смотрит на меня в оба, и таращит глаза, ничего не понимая:

– Как ты успела?

Я не собираюсь ему отвечать, делаю ловкую подсечку, он падает с открытым ртом, и в следующее мгновение меч вонзается в его горло. Он булькает кровью, а потом присоединяется к своему напарнику, решившему поживиться мной.

Некогда стоять и смотреть на труп, так что я поворачиваю голову, оценивая, где бы тут понаделать шума. Вижу, как на Габриэля наступают два верзилы, один из которых гончий. Несусь во весь опор, делаю прыжок, и обрушиваю удар на спину зеваки, который явно тешил своё самолюбие, пока чесал языком. Он падает на пол арены, я наношу ему второй удар, пронзая череп:

– Должок вернула, – бросаю я Габи.

В это время он отражает удар гончего:

– Не подсобишь ещё разок?

Дважды меня просить не нужно. Помогаю ему разобраться с придурком, разрезав сухожилия. Габи оставалось только добить гончего:

– Снова недооценили? – фыркает пантера, вперившись в меня взглядом и тяжело дыша.

Я встаю рядом с ним, занимая стойку, потому что к нам уже идут новые дуралеи:

– А ты как думаешь?

Габи расплывается в улыбке:

– Потанцуем, красавица?

Я едва заметно киваю ему, и мы начинаем исполнять наш отработанный танец мечей, срезая головы противников, как головки спичек.

Не знаю, с чего Габи решил, что я красавица, ведь ему не разу не довелось увидеть меня без маски, но думаю, он просто нарисовал себе желаемый образ так же, как я нарисовала себе лицо сенсея.

На деле же я не была красавицей. К неказистой внешности добавлялся огромный шрам. Нос у меня прямой, чуть вздёрнутый, уголки губ немного смотрят вниз, так что кажется, будто я всё время грущу. Про волосы и глаза уже нет смысла говорить. Чёрная-чёрная Ворона. К слову, я так привыкла к этому прозвищу в академии, что и вовсе перестала обижаться, а потом взяла себе этот псевдоним на арены. Рост у меня довольно неплохой, где-то метр семьдесят, а вот фигура как у пацана. Грудью меня наградить забыли так же, как и глазами. Единственная гордость – мой пресс и косые мышцы. Не зря сенсей меня гонял до упаду.

– О чём задумалась, Ворона? – окликает меня Габи. Я смотрю на него и понимаю, что он кивает на труп под моими ногами. Мужик уже мёртв, а я всё пытаюсь его добить.

Я достаю из него меч и вновь встаю рядом с напарником. Это наше негласное правило с Габи, стоит нам ступить на арену. Мы не первый раз с ним принимаем участие в подобной мясорубке. Я помогаю ему, он мне – правилами не запрещено, так делают многие – объединяются ради победы. Хотя, зачастую им приходится сражаться со своими же напарниками, ведь победителей всего трое. В нашем случае с Габи, я всегда ему уступаю. Наша задача сейчас оставить в живых одного бойца, а потом я займу спокойно своё позорное третье место и пойду домой зализывать раны. И хотя сегодня я сказала Габриэлю, что не проиграю ему, оба мы знаем, что всё именно так и будет.

– Габи, слева! – кричу я ему, заметив, как в моего напарника летит копьё. Озираюсь по сторонам и вижу очередного верзилу в компании с гончей. Девушка держит в руках MALINA, её меч сверкает розовым.

О, как мило! Когда-то и я любила розовый цвет, пока благодаря своей мамаше не испачкала его кровью. Они посмели испоганить моё любимое платье! Осквернить мой любимый цвет! Да простит меня эта гончая, но видеть не могу эту розовую хреновину! Я действую опрометчиво, как может показаться на первый взгляд, но знаю, что со спины меня прикрывает Габи, так что позволяю себе чуть больше, чем могла бы. Пока мой напарник отвлекает верзилу, я скрещиваю мечи с гончей. Девчонка довольно сильна, и я искренне удивлена, что она не пригрелась где-то под боком своего нанимателя.

А ещё эта девчонка не новичок, так что прекрасно знает, что либо ей биться со мной во всю силу, либо прилечь отдохнуть, так что машет мечом она как в последний раз, и я не отстаю. Лезвие гудит энергией, я улыбаюсь. Стоило представить, что сенсей где-то издалека наблюдает за мной и я тут же «поплыла». Гончая видимо решила, что мне стало дурно и воспользовалась моментом, отвесив мне удар в живот. Я согнулась пополам и закашлялась. Она ринусь и уже готова была обрушить на меня меч сверху. Я отразила её удар, отпружинила ногами и бросилась с новым рвением. Я наступала на неё, подобно ливню. Удар, ещё удар, пари!

Гончая вжалась в стенку арены, и тут я наградила её смертельной атакой. Сначала выбила меч из её рук, а потом рассекла её шею. Девчонка схватилась за горло, теряя бесценную кровь. В её серых глазах застыл немой ужас. Я же порадовалась, что сверхсилы использовать нельзя, иначе моя задница могла оказаться в опасности. Оборачиваюсь, и вижу Габи, добивающего верзилу. Сегодня он разошёлся. Дубасит того его же копьём, будто мясо фаршрует. Ох, мне становится дурно, при мысли о следующем поединке. На арене нас осталось трое. Я, Габи и всем известный Теон, который является завсегдатаем арен и подпольных поединков, где бы они не проводились. Вероятно, у Теона тоже есть проблемы с деньгами, но меня это не касается.

Ведущий рассыпается в поздравлениях, и нам дают перерыв в десять минут, пока работники будут уносить трупы бедолаг, которым сегодня не посчастливилось встретить кулак Габи

и дубинку Теона. Мне же хвастаться нечем. На моём счету всего семь трупов – меньше, чем обычно в такой мясорубке. Габриэль идёт рядом со мной:

– Ты как? Готова навалять Теону?

Я в удивлении вскидываю бровь, озираясь на табло. Моим противником всегда был Габи! Мать моя сатана, отец чёрт сутулый! Они поменяли нас местами! Я беспечно пожимаю плечами:

– Как и всегда.

Габриэль знает, что я, как и всегда проиграю, но это наша с ним очередная игра.

– Будь внимательней, Ворона, Теон не станет жалеть тебя так, как я. – его слова звучат почти ласково, если не знать, какой смысл он в них вкладывает. Габи ломал мне рёбра и челюсть столько раз, что я уже со счёта сбилась.

Бегло осматриваю свою перепачканную одежду. Чёрные обтягивающие брюки липнут к телу ещё сильней, потому что промокли насквозь, от белой рубашки осталось только название. Проверяю ремешки, держащие диск под одеждой, очищаю кровь с меча и прячу его за спину.

Зрители начинают верещать как свиньи, когда ведущий вызывает нас с Теоном вернуться на арену.

Теон идёт в ногу со мной, улыбаясь и помахивая рукой, приветствуя своих фанатов. Моему сопернику примерно тридцать, он такой же оборотень, как и Габи, от того выносливый как мразь. У Теона длинные каштановые волосы до плеч, которые он всегда завязывает в пучок, квадратная челюсть, немного раскосые глаза и чуть приподнятые в удивлении брови.

Мы с ним становимся друг напротив друга. Сражаться в финале разрешено только в рукопашную, так что оружие мы не используем. Я кладу меч на пол, Теон оставляет там же свою дубинку. Мы занимаем боевую стойку. Моё тело уже готово взвыть, зная, что сейчас я получу таких знатных тумаков, что потом едва ли смогу шевелиться.

Теон нападает, я блокирую его удар, выставляя руку. Мои хрупкие кости чувствуют вибрацию. У оборотней чудовищная сила, а я даже не в его весовой категории. Соперничать с парнями на этих аренах я могу лишь с мечом в руке, но как только дело доходит до рукопашки, я умываю руки. И дело не в том, что сенсей меня плохо обучил, нет. Он как раз-таки хорошо натренировал моё тело и дух, только вот противники мои тоже тренированные перцы, а не глашатаи с рынка. Мне нужно продержаться лишь пару минут, чтобы добавить зрелища, а потом можно и сдаваться. Хотя, смотря что вы вкладываете в понятие «сдаться»?

Теон напирает, обрушивая на меня град ударов, словно отбивает молотом по наковальне. Я едва успеваю отражать его удары и уклоняться, изворачиваясь, как прозорливая мышь. Успеваю пару раз вдарить ему под дых, а потом позволяю схватить меня за ногу. Теон мигом швыряет меня на жёсткое покрытие арены, и садится на меня сверху, начиная дубасить от всей души. Зрители верещат, хлопают, улюлюкают, скандируя:

– Теон! Теон! Теон!

Я же в этот момент начинаю видеть звёзды. От сломанной в очередной раз челюсти, я едва могу соображать. Вернёмся к понятию «сдаться». Я не сдаюсь, пока не теряю сознание. Теон ещё пару раз награждает моё лицо ударами, и я проваливаюсь в сон, полный кошмаров.

– Ворона! Ворона! – я слегка приоткрываю глаз, который совсем заплыл, и из-за маски я перестаю видеть вообще что-либо. По голосу понимаю, что это Габи.

– М-м, – могу только мычать, челюсть-то сломана.

– Вставай, всё закончилось. – чувствую, как он тащит меня под локоть. – ты третья, как и всегда.

– М-м, – надеюсь он сможет понять, что это означает радостное мычание?

Габи усмехается:

– Не переживай, Ворона, я надрал ему за тебя зад.

Чёрт! Мне нужен переводчик, который бы мог ему донести весь смысл моих мычаний! Чувствую, что за спиной у меня закреплено оружие заботами Габи. Даже куртку на меня накинул, вот уж аттракцион невиданной щедрости! Я показываю ему знак рукой, и он меня понимает мгновенно:

– Вот твои сару, – он хлопает по карману моей куртки. Я киваю ему головой, ну или надеюсь, что киваю. – Тебя как обычно проводить?

Я снова мычу.

– Хорошо.

Стараниями Габриэля, я оказалась в подземном гараже. Он оставил меня у стены, куда всегда провожал, а затем попрощался и ушёл. Я наконец смогла снять маску, как только осталась одна. Глаз и правда заплыл, вижу только узкую щёлку. Отдохнув пару минут, поднимаюсь на ноги и шаркаю к мотоциклу. Шлем надеть я не смогу, и даже не буду пытаться. Закрепляю его позади себя, проверяю оружие, деньги. К слову, Габи никогда не пытался меня ограбить. Деньги на арене зарабатывались через кровь, боль, и слёзы, так что все уважали выигрыш. Перекидываю ногу, завожу свой мотоцикл и покидаю гараж, выезжая на улицу. Верзилы пропускают меня, не глядя. Я прикрываю лицо рукой, да и если честно, сейчас там такое месиво, что вряд ли можно что-то разобрать.

Приезжаю по нужному адресу и вваливаюсь, как к себе домой.

– Йона! – зачем же орать? У меня и так голова раскалывается. Я достаю из внутреннего кармана карту страховки и кладу на стойку. – Вот же чёрт, да на тебе места живого нет!

Знакомьтесь, это моя личная фея, собирающая мои кости воедино – Рик.

– М-м? – моё мычание же прозвучало вопросительно?

Рик хватает меня под локоть и уводит в кабинет:

– Йона, я хоть раз увижу тебя здоровой?

Мне хочется сказать, что после его чудо-капсулы я вообще-то становлюсь ещё какой здоровой, но понимаю, что он имеет ввиду другое. Рик помогает мне забраться в капсулу, закрывает её, а после, я погружаюсь в сон на целых пять часов.

Проснувшись, чувствую лёгкость, кости не болят, челюсть в порядке. Капсула уже открыта, видимо лечение закончилось, но я проспала чуть дольше. Рик сидит напротив меня скрестив на груди руки и смотрит с тревогой:

– Сколько это будет продолжаться, Йона?!

Я фыркаю:

– Ты получаешь огромные деньги как раз для того, чтобы не задавать подобных вопросов. – знаю, звучит грубо, но такова правда.

Рик поднимается со своего стула и подходит ко мне, беря лицо в свои руки. Он крутит его во все стороны, затем снимает с меня одежду и осматривает, всё ли зажило. Видимо, я его всё же обидела, потому что действует он грубовато.

– Прости, ты же знаешь, такая у меня жизнь.

Рик усмехается:

– Ты называешь это жизнью?

Моя добрая фея, мой лучший целитель, красивый и малодушный Рик. У парня светлые волосы, пушистые ресницы, немного узковатое лицо, но в целом он довольно красивый, наверное. Мне сложно оценивать внешность. Ему за тридцать, он имеет жёлтые глаза и занимается моим лечением вот уже более семи лет. Как раз после того случая с ожогом. Сенсей позаботился, найдя мне прекрасного доктора, который будет подпольно лечить меня хоть каждый день, желательно, не задавая вопросов. Но Рик всё же любит иногда поболтать, за это я ворчу на него, но обиды не держу.

– Рик, ты же знаешь… – он должен понимать, что нет смысла возвращаться к этому разговору в очередной раз. – Спасибо, что залечил, я пойду посплю, вечером снова приеду. Ну или приползу, тут уж как получится.

Рик устало вздыхает:

– Вообще-то моя смена уже закончилась.

Я останавливаюсь в дверях, надеваю на глаз повязку и машу перед ним карточкой страховки:

– У меня на тебя безлимит.

Покидая его кабинет, я слышу, как он смеётся, и я рада, что мне удалось поднять его настроение. По пути домой закидываю сару на карточку, беру в магазине перекусить, и поднимаюсь в свою квартиру. Пока что свою. Иду в душ, чтобы смыть с себя всю кровь и грязь, а потом проваливаюсь в сон до самого вечера. Сегодня мне предстоит выступить на арене «Сумрачный Демон».

Глава 10. Сто тысяч сару.

Йона.

«Сумрачный Демон» – ещё одно заведение с подпольной ареной, но у него есть своя отличительная черта – на арене только девушки. Трибуны обычно битком забиты пускающими слюнями мужиками в возрасте. Поглазеть на полуголых девах, сражающихся друг с другом – что может быть лучше? К тому же, многие из участниц после боёв покидают это место в сопровождении своих любимых спонсоров. Не сложно догадаться, чем заканчивается продолжение их ночи. К моему счастью, предложения подобного рода поступают только красавицам. Ну, не то, чтобы я расстраивалась… но всё же. Здесь никто не видел моего лица, я, как и всегда выступаю в маске.

Когда я приезжаю к нужной мне парковке, то наблюдаю у входа в помещение уже немалую толпу зевак. Девчонки тут расхаживают в таких откровенных нарядах, что падшие ангелы могли бы им позавидовать. Они соблазнительно крутят ягодицами и выставляют свои сиськи напоказ, чтобы привлечь слюнявых спонсоров. Заиметь покровителя и уйти с арены – не самая плохая перспектива для таких, как они. В нашем мире есть огромное количество вакансий, но не все желают трудиться по шесть дней в неделю. Кто-то и вовсе презирает систему отбора, но вслух никто не произносит своих возмущений. Страх перед оракулом сильней их духа, и я прекрасно их понимаю. С рождения глаза определяют всю твою жизнь; куда пойдёшь учиться, где будешь работать, какие должности тебе светят, а какие нет, даже брак, и тот зачастую строится на силе способностей глаз. Тут я, конечно же, ликую, потому что в моём случае я давно пролетела по всем параметрам и хоть где-то, но ощущаю свободу. Нет способностей – нет ограничений. Правда из всего перечисленного мне не светит ни работа, ни брак. Хотя, как посмотреть. Быть гончей довольно-таки неплохо, – платят много, условия неплохие, остаётся только прожить дольше, чем до тридцати. Из-за специфики работы, гончие редко могут похвастать долголетием, ведь постоянно рискуют своей жизнью, к тому же, если вам не повезёт попасться на хорошего нанимателя, то можно сразу заказывать ящик. Есть много отвратительных лиц, которые сорят деньгами, заключая контракты с гончими, которых будут пользовать как расходное мясо. Они отправляют их на бои – просто ради потехи. Надеюсь, мне повезёт и на моём отборе будет адекватный наниматель.

Едва я ступаю через порог, как меня одёргивают за руку. Я уже готова вмазать без разбору смельчаку, но замечаю Габриэля:

– Тебе что, жить надоело? – выхватываю свою руку, озираясь по сторонам.

Габи манит меня пойти вслед за ним в сторону. Ведомая любопытством, я послушно делаю с десяток шагов, и мы прячемся в углу тесного коридора. Повсюду снуют девчонки, готовые выйти на арену. Габриэль припирает меня к стенке и наклоняется к уху:

– Я так и знал, что найду тебя здесь, Ворона, – он ехидно усмехается, словно сорвал куш.

Мне не хочется трепаться попусту:

– Что тебе нужно?

Габи нервно кашляет, смотрит по сторонам, а потом говорит:

– Есть одно дело и мне нужен напарник, а мы с тобой вроде как неплохо сработались, – последнюю фразу он выделяет таким приторным голосом, что мне хочется плюнуть в его физиономию.

– Что за дело? – не сказать, что я сильно заинтересована, но из любопытства всё же спрашиваю.

Габриэлю явно пришёлся по вкусу мой интерес:

– С тебя мне нужно согласие, дело не сложное, я бы не стал звать тебя ввязываться в какое-то дерьмо, – он потирает нос. – Нужно разобраться с шайкой нехороших людей. Если справимся, платят сто тысяч сару. – от суммы у меня глаз на лоб лезет, и это не укрывается от оборотня. – Делим пополам.

Тут я уже начинаю взвешивать все «за» и «против». Сумма слишком заманчивая, да ещё и предлагает пятьдесят процентов, что-то тут не так:

– Пополам? Откуда такая щедрость?

Габи нехотя признаётся:

– Потому что на меньшее ты всё равно не согласишься. – он ехидно улыбается, разглядывая меня с любопытством. – Ну так как? Согласна?

Мне бы предстояло провести до трёх боёв, чтобы заработать пятьдесят штук, к тому же подставляя свою шкуру для побоев. Здесь же у меня есть шанс проявить себя, вероятно, даже не пострадав. Хотя, ещё неизвестно, что именно нам нужно сделать. Габи выжидает моего ответа и я вижу по его лицу, в каком он нетерпении. Если дело плёвое, я ещё успею вернуться сюда и выиграть пару поединков. Я решаю согласиться:

– Хорошо. Но мне нужны подробности.

Габриэль расплывается в улыбке:

– Ворона! Ты лучшая! Расскажу по пути, идём, у нас в запасе не так много времени.

Я следую за ним на улицу, и едва мы подходим к парковке, как оборотень приглашает меня сесть в авто:

– Залезай, красавица, прокачу с ветерком!

Я с сомнением окидываю взглядом его старенький автомобиль, которому требовался капитальный ремонт ещё лет так двадцать назад:

– Габи, не хочу прослыть привередой, но в эту колымагу я не сяду.

Он складывает на груди руки:

– Машинка не самая комфортная, но это лучше, чем добираться на метро.

Я смотрю на проржавевшее днище и понимаю, что где-то по дороге могу провалиться своей костлявой задницей на асфальт:

– Ты можешь ехать один, только дай координаты, я предпочту своего Малыша.

– Малыша? – Габи озирается по сторонам парковки, думая, что я подразумеваю под этим прозвищем.

Когда я иду мимо рядов машин, оборотень следует за мной по пятам. Останавливаюсь у Малыша, достаю закреплённый шлем и сажусь на мотоцикл:

– Мой Малыш, – для пущего эффекта хлопаю ладонью по своей чёрной зверюге.

Габи смотрит, едва не пуская слюни, и тут я его прекрасно понимаю. Он немного сомневается, но всё же задаёт очевидный вопрос:

– Тогда могу я поехать с тобой?

– Давай координаты и запрыгивай.

Габриэль достаёт свой телефон и начинает в нём копаться, а затем показывает мне адрес. Вижу отметку и морщусь – ненавижу запах тухлой рыбы. Оборотень запрыгивает на мотоцикл, смело хватаясь за хвост. Я предпочитаю промолчать, чтобы насладиться его эмоциям. Пока Габи не смотрит, снимаю маску и надеваю шлем.

Завожу мотоцикл и аккуратно выкатываюсь на дорогу. Как только колесо пересекает линию проезжей части, мотор ревёт, Малыш срывается с места, а Габриэль с криками вжимается мне в спину. На его счастье, MALINA сейчас находится в четвёртом режиме, прячась за поясом в виде кинжалов. Наш путь лежит к докам на северо-западе Кан-Аркесиса. Понятия не имею, что там может быть интересного, ну а Габи пока не в состоянии мне что-то сказать. Я знаю примерное место, где можно оставить мотоцикл, чтобы добраться до доков без лишних глаз. Сомневаюсь, что наша задача ворваться туда с двух ног.

На улице сегодня довольно прохладно несмотря на то, что лето уже полностью вступило в свои права. Из-за отсутствия солнца, которое могло бы обогревать своим теплом землю, даже летом зачастую приходится одеваться не в один слой одежды. Бывает и знойная пора, но на моей памяти температура никогда не достигала выше двадцати градусов.

Есть у нашей страны один плюс – это отсутствие снега, благодаря чему я могу рассекать на своём Малыше даже зимой. Так что будь то лето, осень или зима, а температура у нас всегда варьируется от пяти до двадцати, и никогда не уходит в минус – особенности расположения материка.

Безопасно ли кататься среди ночи по улицам столицы, вооружившись до зубов? Да. Даже если какая-то семья будет прогуливаться в ночное время по тротуарам и встретит компанию из верзил какой-то группировки, они и глазом не моргнут. Мирных жителей никогда никто не трогает, ведь есть куча мест, где вы можете выпустить пар и навалять по морде. Оракул позволила людям устраивать официальные поединки и турниры, легализовала ношение оружия. Есть правда и минусы у подобной системы. Если всё же найдётся отбитый на всю голову психопат, решивший пошмалять из своей пушки где-то посреди улицы, то его ждёт казнь, представленная на всеобщее обозрение. Более того, подобные казни транслируются по всему миру, так что желающих оказаться на суде у оракула практически не существует. Заслужить казнь Элии – самое худшее, что могло случиться с человечеством.

Почему же тогда никто не получает наказания за смерть на аренах? Ответ так прост, что даже не требует подробностей. Все участники сами подписывают договор, где чётко прописан параграф о том, что за их смерть никто не несёт ответственности. И люди охотно ставят свои отпечатки и подписи на подобных бумажках. А после восемнадцати, когда получают часы, сами заводят на себя анкету в системе, где ставят галочку, что они являются участниками поединков.

Как только я останавливаюсь, Габриэль спешит поскорей слезть с мотоцикла, а потом сгибается пополам, оставляя на земле свой ужин, обед, и возможно, даже завтрак. Пока он развлекается, я снимаю шлем и надеваю маску. Габи хрипит:

– Да чтоб я ещё раз… да ни за что в жизни! Кто тебя водить учил? Смерти ищешь? Я такой скорости даже в сети не видел!

Я улыбаюсь. Габи преувеличивает, ведь в сети как раз полно роликов, где есть лихачи в разы круче меня. Я среди них так, черепашка.

– Ну, я старалась оставить тебе побольше времени для подробностей. – слезаю с Малыша, закрепляю шлем и смотрю на Габриэля через прорезь маски, понимая, что он не видит моего вопросительного взгляда. – С чем нам предстоит иметь дело?

Оборотень снова обращается к своему телефону, протягивает мне и показывает фото улыбающейся девушки. Я не совсем понимаю:

– Если это очередная тёлка, которую ты трахнул, то поздравляю, она ничего.

Габи усмехается:

– Если бы! Это дочь заказчика. Недавно она гуляла в одном клубе и нашлись те, кто опоил её наркотой, а потом изнасиловал. С ними нам и предстоит разобраться.

Мне становится не по себе:

– Тогда почему мы здесь? Что делать её обидчикам в доках?

– Они наркодилеры, и сегодня у них тут намечается знатная заварушка, в которой мы с тобой, Ворона, примем участие.

Я хмурюсь, раздумывая над нашим положением:

– Сколько их?

Габи что-то прикидывает в уме, вспоминая полученную от заказчика информацию:

– Около пятнадцати.

– И всё? Ты издеваешься надо мной? На кой хер ты заставил меня ехать в сраные доки ради пятнадцати бедолаг?! – я сильно возмущаюсь, потому что несмотря на круглую сумму за заказ, не понимаю, почему он не мог разобраться сам. Для Габи это раз плюнуть.

Он улыбается, в глазах его появляются искры:

– И ещё десять гончих в охране.

После этого предложения дело принимает совсем другой оборот, и на моём лице тоже начинает играть улыбка:

– Какой план? – я уже чувствую аромат лёгких сару, согревающих мой карман после мясорубки.

Габриэль кивает в сторону закоулков, и мы вместе ступаем в тень.

– Я видел в твоих руках прекрасную пушку, за которую мне пришлось бы драть зад не один год. Как ты на неё заработала? – Внезапно спрашивает он, уклоняясь от моего вопроса.

Я пожимаю плечами:

– Это подарок. И Малыш тоже. – отвечаю сразу, упреждая следующий его вопрос. – У меня свой спонсор. – это не совсем правда, но и не совсем ложь. Габриэлю не обязательно знать про сенсея и его покровительство. К тому же, понятие «спонсор» куда привычней для таких бойцов как мы.

Над нашими головами с гудением пролетел дрон, ведя неустанную онлайн запись. Я отметила, что железяка принадлежит дому Аресис – нашим бессменным лидерам системы.

– Завидую, – протягивает Габи. – Насчёт плана, – он делает паузу, и я иду вся внимание. – Ты со своей пушкой займёшь место на крыше, пока я ворвусь внутрь и наведу там шуму. Будь готова отстреливать выбегающих, словно уточек в тире.

Какое милое сравнение для такого психопата. Я киваю ему:

– Хорошо, – тут же обращаюсь к оружию, достав его из-за пояса. – MALINA, второй режим.

«Запрос на смену режима принят. Подтвердите свою личность.

Прижимаю палец к стёклышку на рукоятке, оружие считывает отпечаток:

«Ваша личность подтверждена. Приступаю к смене режима. Второй режим – снайперская винтовка Allia.»

Оружие чудесным образом преобразуется в воздухе. Габриэль смотрит, разинув рот:

– Это. Просто. Нечто. – выговаривает он.

Я закрепляю винтовку за спиной, и она парит в воздухе в паре сантиметров от моего тела, удерживаемая магнитным полем диска.

– А ты чем собираешься удивлять? – спрашиваю Габи, следя за ним через прорезь маски.

Он показывает мне не меньшие чудеса, когда его рука покрывается чёрной шерстью. Из массивной лапы блестят когти:

– Я ворвусь к ним в зверином обличье.

Примерно что-то такое я и ожидала. В облике пантеры у него чудовищная скорость и сила, так что странно было бы не пользоваться дарованными способностями.

Спустя двадцать минут, мы наконец добираемся до нужных доков. Я оставляю Габи одного, сама же следую к высотке, затерявшейся среди бесконечных складов и сооружений. Поднимаюсь по лестнице, осматриваю нужную мне зону, которая прослеживается отсюда как на ладони. Достаю винтовку и занимаю позицию, разглядывая док через прицел. Заказчик уверил Габи, что заранее позаботился о защите – камеры ничего не запишут, дроны дилеров уже слепы, показывая им фальшивую запись. Денег заказчик отвалил не мало, но если задуматься о том, как надругались над его дочерью, то и не удивительно.

Помимо обязанности прикрывать спину Габи, я сразу выслеживаю гончих. Среди них наверняка найдётся такой же снайпер, затаившийся где-то на высоте. К моему удивлению, именно эту крышу никто не занял, что очень странно. Как только оборотень войдёт внутрь, я начну снимать гончих одного за другим. Руки чешутся спустить курок прямо сейчас, но я держусь.

В темноте что-то мелькнуло – это Габи крадётся через доки в облике пантеры. Прицеливаться, наблюдая через прорезь маски не очень удобно, но снять я её не могу. Может Габриэль и верит заказчику, я же предпочитаю перестраховаться. Вижу, как через открытые ворота снуют гончие и дилеры. Внутрь заезжает два автомобиля. Держу пари, в них сейчас гора наркоты. Как только автомобили глохнут, пантера молниеносно врывается внутрь. Начинается суматоха, звучат выстрелы. Я стреляю без раздумий, и один из гончих падает, скатываясь по стене сооружения. Остальные начинают озираться по сторонам, не понимая, откуда стреляют. Я же прицеливаюсь и ФИУ – с тихим шелестом лазерный сгусток энергии спешит пробить череп какого-то доходяги в костюмчике. На его белоснежную рубашку разливается кровь, он падает. Кто-то пытается вбежать внутрь, ища там укрытия, кто-то наоборот, выбегает из дока, уже получив ранения от Габи. Я убиваю ещё примерно десятерых. Оборотень был прав, они повыбегали как тараканы, так шустро, что только успевай отстреливать. А затем наступило затишье, от которого я напряглась, внутренности мои вдруг охватил холод. Что-то не так.

Я спешно поднимаюсь на ноги и мчусь к лестнице. Пока я спускаюсь, слышу, как из дока разносятся новые выстрелы. Нужно поспешить к Габи:

– MALINA, первый режим, два оружия! – мне некогда отвлекаться, но с винтовкой я мало что сделаю.

«Запрос на смену режима принят. Подтвердите свою личность.

Вот же сука, ну почему нужно было так усложнять?! Ботинки отбивают ритм по металлической лестнице, пока я прикладываю большой палец к стеклу.

«Ваша личность подтверждена. Приступаю к смене режима. Первый режим – бластер Allia. Преобразую пару.»

Чёртова механическая баба в моей голове звучит нарочито медленным тоном. Нельзя было сделать смену режимов более быстрой? У меня там кошак, возможно, умирает, а я нянчусь с этой игрушкой! Если шкура Габи пострадает, не видать мне напарника в боях, а ведь было так удобно занимать своё долбанное третье место!

В руки мне ложатся два бластера, я крепко хватаюсь за рукоятки и несусь со всех ног, едва успев спрыгнуть на землю, наплевав на последние полтора пролёта лестницы. Чует моя костлявая задница, что где-то Габи облапошили, и меня вместе с ним. Слишком много шума для заявленного количества человек. Под ноги мне попадается какой-то камешек, и я рассыпаюсь в проклятиях. Док совсем рядом, выстрелы всё громче, паника в груди нарастает всё более объемлюще, расцветая лотосом.

Врываюсь в ворота, и прижимаюсь к машине, стоящей в метре от входа. Над головой свистят пули. Где же Габи? Вижу мужика, прячущегося за соседним авто и без раздумий стреляю ему в голову, затем убиваю второго, третьего. Эти болваны наконец поняли, что их атако-

вали со спины, и вот тут мне уже приходится изворачиваться. Они стреляют в ответ, я огибаю автомобиль и прячусь в засаде.

Сквозь прорезь маски вижу, что в доке порядка двадцати авто, у некоторых открыты багажники, повсюду валяются мешки с наркотой, некоторые даже рассыпались, словив пули. Судя по взглядам жертв, которые уже пали от моих пушек, Габи где-то в дальнем конце. Чтобы подобраться к нему, мне придётся рискнуть своей шкурой.

Срываюсь с места, отстреливаясь на бегу. Под ногами и над головой у меня свистят пули. Боевыми разошлись, суки! Адреналин не бушевал в моей крови с такой силой даже в самые опасные моменты моей жизни. Сейчас же я чувствую себя такой же психопаткой, как и отбитые бойцы арен, потому что пока я бегу к Габи, едва ли не заливаюсь смехом. Надо будет попросить Рика проверить мою голову. Пуля просвистела, задев мои волосы и я мигом рухнула на пол, просматривая под машиной ноги стрелявшего. Ни черта не видно! Зато через две машины от меня вижу лужу крови, и к моему несчастью, принадлежит она Габи. К ещё большему несчастью, чтобы добраться до него, надо перебежать довольно приличных два «окна», подставившись под пули.

Мать моя сатана, отец чёрт сутулый! Некогда мне тут в игры играть! Вытираю пот со лба, держа крепко бластер, а затем выдыхаю и несусь к Габриэлю, отстреливаясь с двух пушек на бегу. Страшно, сука, страшно, но как же весело!

Падаю рядом с раненным зверем:

– Какого хера, Габи?!

Бегло осматриваю его раны; рука кровоточит, из живота разлилась приличная лужа. Он тяжело дышит, лицо его покрыто холодным потом.

– Прости, Ворона, их оказалось куда больше, – он пытается улыбнуться.

– Это я и без тебя поняла! – чувствую, что пахнет жареным. – Габи, кто твой заказчик?

Он немного молчит, а потом отвечает:

– Не знаю.

Я готова сама добить его:

– Не знаешь?! Как ты пошёл на дело, не зная, кто является заказчиком?! Габи, тут ещё примерно двадцать живых тел и все они хотят нас прикончить!

Габриэль тяжело вздыхает:

– Прости, Ворона, я думал, мы с тобой заработаем лёгких денег. – он снова извиняется, и я понимаю, что этот балбес ни хрена сам не знал, куда он сунул нос.

Я выглядываю из-за капота, награждая обстрелом врагов, давая понять, что тут ещё никто не сдаётся. Ответные выстрелы свистят над головой, оставляя на стене следы.

– Габи, ты долго не протянешь, – указываю на его раны. – Сиди здесь, я разберусь с ними.

– Стой, – он хватает меня за ногу. – не делай этого, слишком опасно.

Я опешила:

– И что? Предлагаешь сидеть тут как мышь и ждать, пока их станет ещё больше?! Они уже наверняка вызвали подмогу! Ты вообще видел, сколько там наркоты?! Да тут через полчаса все дилеры Кан-Аркесиса соберутся! И вот тогда мы с тобой точно станем трупами, так что не останавливай меня. Я разберусь.

Не позволяю Габриэлю возразить, высовываю голову, привлекая внимание, резко перекатываюсь к соседней машине и бегу так быстро, как никогда в жизни. Разгоняюсь, отталкиваюсь от стоящего рядом джипа, взлетаю вверх, и пока выполняю акробатический номер, осыпаю своих врагов таким ливнем пуль, что им и не снилось. Замечаю, что осталось их не больше пяти.

Бегу дальше, встречаясь с ними лицом к лицу.

БАМ. БАМ.БАМ.

Энергетические пули сносят им головы. Дело сделано. Быстренько проверяю, не осталось ли живых. Один ещё шевелиться, и я его добиваю. Спешу вернуться к раненному зверю – его срочно нужно отвезти в больницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.